

1510

1160

В

ЛБ 10 1160

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ.

1877. — 1902 гг.

XXV

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.

Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.

1902.

ЛБ10 Т160

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ.

1877 — 1902 гг.

XXV

Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ.

525243

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.

Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковский пер., д. Т—ва, № 9.

1902.

1975/

10

Дозволено цензурою. Москва, 12 февраля 1902 года.

835367 V

Императоръ Александръ II.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ.

Двадцатипятилѣтіе освободительной войны.

Больше сія любви никто-же
имать, да кто душу свою по-
ложитъ за други своя.

(Ев. Іоанна, гл. 15. ст. 13).

Двѣнадцатаго апрѣля 1902 года минуло четверть вѣка со дня объявленія послѣдней войны Турціи, нашего послѣдняго „Крестоваго похода“, „войны за крестъ и свободу“, какъ назвалъ ее поэтъ, и этимъ днемъ открывается цѣлая эпоха освободительной войны, длинный рядъ четвертьвѣковыхъ юбилеевъ славныхъ подвиговъ русскаго оружія, русскаго духа, русскихъ радостей и страданій въ далекой, но родной намъ Болгаріи, нашихъ побѣдъ, нашего нравственнаго, если не матеріальнаго тріумфа.

Да, четверть вѣка прошло съ той славной эпохи, которую помнитъ еще половина Россіи, въ которой участвовали отцы и старшіе братья современнаго юнаго поколѣнія,—ему и посвящаются эти строки.

Москва и вся Россія торжественно празднуютъ этотъ славный юбилей, помпнають павшихъ за вѣру и свободу славянъ, помпнають Царя-Мученика, освободившаго свой народъ, а затѣмъ и его младшихъ братьевъ, чествуютъ благополучно здравствующихъ героевъ этой освободительной войны, чествуетъ съѣхавшихся въ Москву гостей-славянъ крѣпко вѣрующихъ въ грядущее единеніе великой расы и переживаетъ тотъ мощный подъемъ духа, который знаменуетъ великіе историческіе моменты народной жизни, тотъ подъемъ духа, подобный которому пережила Россія лѣтомъ 1876 и весною 1877 года.

Эти моменты незабвенны, и въ исторіи нашей дорогой родины ихъ не мало, ибо съ тѣхъ поръ, какъ она сама освободилась изъ подъ ненавистнаго ига татаръ, черезъ исторію ея красной лентой проходитъ длинный рядъ войнъ съ исламомъ, татарами и Турціей, войнъ за освобожденіе братьевъ христіанъ, за вѣру и свободу, войнъ чистыхъ и идеальныхъ, святыхъ войнъ.

До сихъ поръ продолжающіеся отчасти бѣдствія и страданія христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, начались съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ уголкѣ Европы утвердился непримиримый исламъ, утвердилось турецкое владычество, покровительствовавшее грабежамъ и насиліямъ, изтязаніямъ и убійствамъ... Вмѣстѣ съ дымомъ горящихъ городовъ и селеній, обогранныхъ кровью истязуемыхъ, къ небу поднимались ихъ вопли...

Всевышній уготовилъ этимъ мученикамъ вѣры высшую награду на небесахъ, Ему извѣстна каждая жертва во славу Христа, но здѣсь, на землѣ, христіанская Европа не могла помочь балканскимъ христіанамъ, сама страшась за участь свою, ожидая нашествія турецкихъ ордъ, уже достигавшихъ Венгріи и осаждавшихъ Вѣну. Этимъ мученикамъ вѣры впервые протянула руку помощи Россія, когда, освободившись отъ ига, она сама окрѣпла и развилась настолько, что помощь ея могла быть дѣйствительной, когда Россія могла заговорить съ Турціей не тѣмъ тономъ, которымъ она говорила съ ней въ XVI и XVII вѣкахъ. Есть прекрасная легенда у сербовъ о Маркѣ королевичѣ, сербскомъ Пльѣ Муромцѣ... Узнавъ о плѣнѣ родной страны своей, онъ выхватилъ саблю

И, поднявъ ея надъ головой,
Остріемъ, въ камень ударилъ въ камень...
Онъ ударилъ, чтобъ ея сломать,
Но о камень не сломилась сабля,
А вошла въ него по рукоятъ...

Самъ-же Марко погрузился въ глубокій чудесный сонъ въ пещерѣ на Балканахъ, а духи сказали, что

„Въ срокъ свой сабля вынадетъ изъ камня,
Встанетъ Марко и отмститъ врагамъ“...
Прошло триста лѣтъ и вотъ—
Вдругъ раздался словно гулъ подземный:
Вся гора подъ Маркомъ сотряслась,
Спящій Марко вдругъ зашевелился,

Сабля жъ вдругъ изъ камня подалась...

Это гуль—быль громъ полтавскихъ пушекъ

Марковъ сонъ съ тѣхъ поръ тревоженъ сталъ...

Вотъ летятъ орлы Екатерины

По Балкану трепеть пробѣжалъ.

Да, громъ полтавскихъ пушекъ возвѣстилъ Европѣ о томъ, что на Востокѣ созрѣла новая, грозная сила, а орлы Екатерины нанесли Турціи и Исламу первый роковой ударъ, доказавшій Европѣ, что и мусульманъ можно побѣдить. По Кучукъ-Кайнарджійскому миру (10 іюля 1774 г.) Крымъ былъ объявленъ независимымъ отъ Турціи. Россія получила Большую и Малую Кабарду, Азовъ, Керчь, Еникале и Киибурнъ съ прилегавшей къ нему степью между Днѣпромъ и Бугомъ; русскіе корабли могли безопасно плавать по турецкимъ водамъ; русскіе подданные получили право пользоваться всѣми тѣми выгодами, которыми пользовались въ предѣлахъ Турціи союзные туркамъ народы; Порта признала титулъ русскихъ Императоровъ и обязалась называть ихъ падишахами, даровала амнистію и свободу вѣроисповѣданія балканскимъ христіанамъ, предоставила представителямъ Россіи принимать на себя роль защитниковъ славянъ и ходатайствовать за нихъ. Порта обязалась также распространить амнистію на Грузію и Мингрелію и не брать съ нихъ больше подати отроками и отроковицами. Русскіе подданные получили право, безъ всякой платы, посѣщать Іеру-

салимъ и другія священныя мѣста. Россія, въ свою очередь, изъявила согласіе имѣть при дворѣ султана посланника или полномочнаго министра второго ранга и консуловъ съ переводчиками для охраны интересовъ русскихъ купцовъ въ разныхъ городахъ Турціи. Далѣе Россія обязалась вывести войска изъ Грузіи и Мингреліи съ тѣмъ, чтобы тамошнія крѣпости охранялись не турецкими, а туземными гарнизонами. За военныя издержки Турція обязалась уплатить Россіи $4\frac{1}{2}$ милліона рублей. 13 января 1775 года Кучукъ-Кайнарджійскій миръ былъ утвержденъ султаномъ.

Договоръ этотъ тѣмъ не менѣе не могъ обезпечить мира, ибо въ XVIII столѣтіи, какъ и теперь въ XX, Порта также искусно уклонялась всѣми силами отъ точнаго исполненія договоровъ. Свободы Балканскихъ славянъ Екатерина II не добилась, но поколебалось общее европейское мнѣніе о несокрушимости магометанскаго владычества; а въ сердцахъ угнетенныхъ славянъ затеплилась надежда на лучшіе дни, на будущую свободу, и эта надежда все усиливалась, росла и укрѣплялась, ибо Россія продолжала борьбу съ Турціей. Такъ дѣды наши проливали кровь свою въ войну 1806—1812 года, окончившуюся Бухарестскимъ миромъ, „богодарованнымъ“, какъ назвалъ его Императоръ Александръ I, по условія котораго (амнистія, предоставленіе извѣстныхъ правъ сербамъ и т. д.) не были исполнены Турціей. Война съ двенадцатью языками отвлекла все вниманіе и силы Россіи отъ

юга и только когда Наполеонъ I былъ уже на островѣ Св. Елены, послѣ Греческаго возстанія 1821 г., послѣ ряда дипломатическихъ переговоровъ, всегда сопровождавшихся интригами враговъ Россіи, въ 1828 году Императоръ Николай I объявилъ Турціи новую войну, которой предшествовало знаменитое Наваринское сраженіе. И эта война закончилась разгромомъ Турціи и адрианопольскимъ миромъ, которымъ признана была административная независимость сербовъ и другія привилегіи, но и она была далеко не послѣдней. Англія и Франція вскорѣ создали изъ Турціи орудіе противъ Россіи, и постоянное упорное нарушеніе договоровъ со стороны Турціи привело въ концѣ царствованія Императора Николая I къ Восточной войнѣ 1853 — 1856 года, къ незабвенной Севастопольской оборонѣ и опять таки къ миру, Парижскому миру, имѣвшему въ виду лишь Россію ея преобладающаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. У Россіи отнято было право покровительствовать православнымъ христіанамъ Турціи. Отнынѣ покровительствовать должна была западная Европа и вотъ съ 1859 года начинается длинный рядъ возстаній въ Босніи, Герцеговинѣ, Болгаріи, Македоніи, Эссалии и Эпирѣ, возстанія, жестоко подавляемые турками и вновь вспыхивавшія то тамъ, то сямъ по великому славянскому краю, племена котораго теперь тщетно смотрѣли на сѣверо-востокъ, взывая къ Россіи:

Вел. Князь Николай Николаевич Старшій.
Главпокоманд. Дунайской арміей.

Мы русскіе. Наша завѣтная вѣра
Что всѣ мы славяне—одно,
Одно неразрывное, цѣльное племя,
Скрѣпленное миромъ давно.
И боремся мы неустанно съ врагами,
Съ той мыслью святою, что Богъ нашей Руси
Единъ и единъ его храмъ.

Мы русскіе. Насъ оживляетъ надежда,
Что духъ нашъ славянскій не сонъ,
Что всюду незримо онъ вѣетъ надъ нами,
Что всюду гдѣ Русь—тамъ и онъ.
Злой врагъ къ стѣнѣ насъ прижать замыш-
ляетъ,

Но рухнетъ она надъ врагомъ
И мы панихиду споемъ по усопшемъ,
А Русь будетъ нашимъ щитомъ.

Мы русскіе. Пусть же злодѣямъ пощаду
Даруетъ святая любовь.
Не надо намъ мести, не надо намъ крови,
Не надо намъ крови враговъ.
Но нѣту пощады измѣнникамъ края,
Продавшимъ отчизну врагамъ:
Ихъ всюду настигнетъ анаома Руси,
Проклятье невѣрнымъ сынамъ *).

„Покровительствующая“ Европа напоминала
лишь Турціи, что обѣщанныя ей гатти-гумаюномъ

*) Стихотв. Червопорусскаго писателя Славча, перев. О. Лейко.

въ 1856 г. реформы не приводятся въ исполненіе, но Россія, какъ ни одинока была въ эту эпоху, продолжала исполнять свою миссію. Она настояла на освобожденіи всѣхъ главныхъ сербскихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ, избавила Черногорію отъ тяжкихъ условій мира, прекратила Критское возстаніе 1866 г. и т. д. Но вотъ насталъ 1875 годъ, годъ незабвенный въ исторіи борьбы славянства съ исламомъ, годъ Герцеговинскаго возстанія, безъ котораго не было бы и Великой Освободительной войны, память которой чувствуетъ теперь вся Россія, все Славянство.

Не будемъ подробно останавливаться на причинахъ этого возстанія, онѣ были все тѣ же: безправіе, насилія и жестокости турокъ. Несчастливая раія не вынесла всѣхъ тяжестей рабскаго положенія и возстаніе вспыхнуло, хотя и тутъ прямой поводъ подали турки. Благодаря неурожаю 1874 года, герцеговинцы не могли уплатить подати въ январѣ 1875 г., а сборщики податей, при помощи разбойниковъ—заптіевъ (жандармовъ) стали въ прямомъ смыслѣ выколачивать подать... Жестокости турокъ дошли до крайности, въ отчаяніи герцеговинцы бросили родину свою и бѣжали частью въ Австрію, частью же въ Черногорію. Мѣстный вали Дервишъ-Паша, обѣщая бѣглецамъ полную ихъ безопасность, просилъ ихъ вернуться и... приказалъ разстрѣлять повѣрившихъ ему, а мусульмане, ограбивъ казенный арсеналъ въ Невесинѣ, начали поголовное истребленіе еще оставшихся на

родинѣ христіанъ... Тогда герцеговинцы спустились съ горъ и началась борьба на жизнь и смерть; борьба въ какія нибудь двѣ недѣли (іюнь 1875 г.) охватившая всю нижнюю Герцеговину, а въ августѣ пламя возстанія вспыхнуло уже и въ Босніи, гдѣ опять таки поводъ дали турки, умертвившіе въ Баньялукахъ десятки мирныхъ христіанъ.

Народъ, предводительствуемый своими героями Мазаремъ Сочинца, Пейко Павловичемъ, Богданомъ Симоничемъ, Мишо Любобратичемъ, Максимомъ Бачевичемъ, Попомъ Жарко Лешевичемъ и другими, одушевленный идеей независимости и доведенный до отчаянія, боролся какъ одинъ человѣкъ, боролся геройски и не разъ нестройные отряды необученныхъ, не дисциплинированныхъ юнаковъ разбивали на голову правильно организованные полки турокъ съ ихъ инструкторами англичанами.

Первое время въ Европѣ почти никакого вниманія не обратили на Герцеговинское возстаніе, видя въ немъ не болѣе какъ „обыкновенные случаи сопротивленія населенія съ цѣлью вынудить кое-какія уступки“, но когда затѣмъ въ Европѣ убѣдились, что это не „рядъ ничтожныхъ столкновеній“, а настоящая борьба за свободу, то извѣстнаго сорта пресса, не задумываясь, увидѣла въ возстаніи „тайныя происки агитаторовъ панславизма“. Ни тысячи писемъ изъ Босніи и Герцеговины, напечатанныхъ въ славянскихъ газетахъ, ни воззванія пострадавшихъ, ни оффиціальныя подтвержденія справедливости этихъ жалобъ не вызвали ни-

манія Западной Европы, а въ Константинополѣ не понимали опасности, не вѣрили въ широкіе размѣры возстанія, которое въ свою очередь и здѣсь объяснялось „пронскамп Сербіи и Черногоріи“, государи которыхъ, между тѣмъ, съ трудомъ сдерживали свой народъ, сербовъ, родныхъ братьевъ возставшихъ, рвавшихся на помощь къ сражавшимся, молившихъ объ этой помощи.

Подъ давленіемъ Западной Европы, сдерживаемые Россіей, князья Николай Черногорскій и Миланъ Сербскій не пускали подданныхъ своихъ идти за границу, но тамъ инсургенты одерживали побѣду за побѣдой и Черногорцы и Сербы уходили къ нимъ, зная, что они сражаются и побѣждаютъ въ надеждѣ на помощь Сербіи и Черногоріи. Добровольцы шли въ Герцеговину не только изъ этихъ странъ, но и изъ Россіи и изъ Италіи; высылались инсургентамъ и денежная помощь изъ всѣхъ славянскихъ странъ, но вся эта помощь не могла быть существенной. „Намъ помогутъ Сербы, или никто“, говорили инсургенты, а въ то время представители державъ прилагали всѣ свои усилія къ тому, чтобы затушить разгоравшійся вопросъ и составляли консульскую комиссію для производства слѣдствія на мѣстѣ возстанія, тогда какъ въ Сербіи на выборахъ побѣдила партія дѣйствій и народъ требовалъ войны и открыто выражалъ недовольство князьями, медлившими сдѣлать рискованный шагъ.—Въ сентябрѣ, однако, весь интересъ Европы сосредоточивался на Сербіи, гдѣ при

Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ.
Главпоком. Кавказской арміи.

открытіи скупщины князь Миланъ выяснилъ въ тронной рѣчи дѣйствительно затруднительное положеніе страны, но вся Европа надѣялась на то, что консульской комиссіи удастся водворить спокойствіе въ возставшихъ провинціяхъ, — хотя переговоры консуловъ съ инсургентами, требовавшими, полной независимости, успѣха не имѣли, а многочисленнымъ и многообѣщающимъ фирманамъ Султана возставшіе справедливо не вѣрили.

Ристичъ на сдѣланный ему въ эту эпоху вопросъ, говорятъ, отвѣтилъ, что „какъ сербъ — онъ за войну, какъ министръ — противъ“, но несмотря на это Сербіи пришлось начать передвиженіе войскъ, благодаря скопленію турецкихъ полковъ на границѣ, необходимому по объясненію Константинопольскаго правительства для подавленія возстанія. Затруднительно было и положеніе державъ, получившихъ отчетъ консуловъ, ибо мѣры считаемыя ими необходимыми для успокоенія края нельзя было предложить Турціи, такъ какъ самымъ основаніемъ для переговоровъ съ ней инсургенты ставили гарантію великихъ державъ. Десятки тысячъ бѣжавшихъ въ Черногорію и Австрію семействъ герцеговинцевъ и босняковъ, умиравшихъ съ голоду, не позволяли державамъ игнорировать возстаніе, съ другой же стороны звѣрства турокъ въ возставшихъ провинціяхъ не уменьшались, а увеличивались, а въ октябрѣ стали извѣстны уже нарушенія турками Сербской и Черногорской границъ.

Если не державы официально, то общества и

учрежденія различныхъ славянскихъ государствъ помогали бѣднымъ и раненымъ, какъ могли. Въ самомъ началѣ возстанія въ г. Рагузѣ основанъ былъ дамскій комитетъ, врачъ котораго г. Іовановичъ перевязалъ не одну тысячу раненыхъ. Но средства и Рагузскаго и Цетинскаго комитетовъ были недостаточны и появилась помощь и изъ глубины Россіи, изъ Москвы, появились русскіе агенты, Г. А. Веселитскій—Божидоровичъ и др., деньгами, платьемъ и добрымъ словомъ поддерживавшіе падавшій духъ не инсургентовъ, а женъ и дѣтей ихъ въ изгнаніи. Болѣе всего, однако, въ эту эпоху, духъ изгнанниковъ и самихъ борцовъ поддержанъ былъ извѣстнымъ офиціальнымъ сообщеніемъ въ нашемъ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 17 октября. „Жертвы, принесенныя русскимъ народомъ для христіанъ Турціи, такъ велики, что даютъ Россіи право заявить объ этомъ сочувствіи и нынѣ передъ лицомъ всей Европы“, заявляло наше Правительство, обращаясь съ воззваніемъ къ державамъ о дружномъ содѣйствіи съ цѣлью „прекращенія того бѣдственнаго порядка вещей, который доселѣ продолжался въ Турціи въ ущербъ интересамъ Порты, подданныхъ ея и Европы“.

Эта миролюбивая нота показалась чуть ли не всей Европѣ угрозой миру, но на славянъ произвела наилучшее впечатлѣніе. „Не потеряна значить надежда на великія державы“, говорили они, — „не дадутъ они намъ погибнуть подъ тяжелымъ

турецкимъ владычествомъ“ и тысячи славянъ благословляли Россію, общество которой въ отвѣтъ все болѣе и болѣе волновалось, собирая пока денежную помощь страдавшимъ, но въ рядахъ инсургентовъ чаще и чаще встрѣчались уже и добровольцы изъ славянской молодежи, откликнувшейся на знаменитый, краснорѣчивый призывъ Любобратича, который мы не можемъ не привести здѣсь: „Молодые люди! Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ того дня, въ который мы впервые, съ воплемъ отчаянія, воззвали къ Европѣ и ко всему образованному міру. Но голосъ не былъ услышанъ, наши стоны не встрѣтили отклика. Полагаясь на правоту нашего дѣла, претерпѣвая голодъ, жажду и всѣ невзгоды суроваго времени года, подъ огнемъ непріятеля, мы ни на минуту не смущались духомъ. Какъ побѣждая, такъ и терпя пораженія, мы одинаково наносили нашимъ тиранамъ чувствительный уронъ. Мы не пошатнулись духомъ даже и въ тотъ моментъ, когда наше дѣло казалось проиграннымъ безвозвратно. Истерзанная Герцеговина, среди дымящихся своихъ развалинъ, взываетъ къ вамъ, молодые люди, къ вашей отвагѣ и къ вашему сочувствію и свободѣ. Вы не останетесь глухи къ голосу несчастія, у васъ не хватитъ духа преподносить намъ фразы и утверждать, что мы не дозрѣли до политической свободы. Вы поймете сами, что неотъемлемое право каждаго народа — имѣть свое національное правительство, пользоваться своими человѣческими правами, правомъ обрабатывать свои

поля, чтобы сдѣлать ихъ плодородными, строить дороги и учить своихъ дѣтей. Чтобы достигнуть этого намъ необходимы: оружіе, провіантъ и деньги. Придите къ намъ и мы васъ встрѣтимъ какъ братьевъ и спасителей нашихъ. Пусть тѣ изъ васъ, которые не могутъ принять участія въ святой борьбѣ славянъ противъ ихъ притѣснителей, доставятъ намъ средства вооружить тѣхъ изъ насъ, у которыхъ кромѣ доблестной души и восторженнаго сердца есть еще сильныя руки, способныя владѣть оружіемъ. Я не стану обманывать васъ. Герцеговина бѣдна. Турецкая лѣнь проложила лишь весьма немногія дороги, ведущія къ крѣпостямъ. Вамъ придется преодолѣть громадныя трудности. Но цѣль ваша будетъ высокая и прекраснѣйшая, такъ какъ дѣло идетъ о спасеніи великаго народа. Пусть блестящіе и богатые клубы ваши превратятся въ комитеты нашего возстанія. Дайте намъ вашъ излишекъ и мы будемъ спасены. Тогда вы обезпечите торжество дѣла, которое прославило всѣхъ, кто только отдавался ему. На нашемъ знамени два священные слова: „независимость и свобода“.

Въ это время съ отставкой Ристича, угрожавшаго вооруженнымъ вмѣшательствомъ, умы въ Сербіи съ начала ноябрю успокоились значительно и вниманіе Европы сосредоточилось на Черногоріи, правительство которой, сдерживая народныя страсти, давало, однако, понять, что близка минута, когда оно вынуждено будетъ преклониться передъ

волею народа и объявить войну Турціи. Черногорія, давая пріютъ десяткамъ тысячъ женъ и дѣтей своихъ, братьевъ, переживала въ эту минуту ужасный кризисъ, — ей грозилъ голодъ и этотъ бичъ могъ оказаться сильнѣе князя Николая и вынудить черногорцевъ броситься на Турцію. Слухи о голодѣ скоро дошли до Россіи и наши отцы и старшіе братья по-братски помогли черногорцамъ. Деньги посыпались отовсюду. Славянскій благотворительный комитетъ въ Петербургѣ собралъ и выслалъ въ Цетинье съ сентября по ноябрь около 50000 руб., дамскій кружокъ оттуда же 11000 руб., Редакція „Голоса“ болѣе 20000 руб., „Общество попеченія о раненыхъ“—10000 руб., Московское Славянское общество—30000 руб., а суммы посылаемыя частными лицами и учрежденіями, трудно привести въ извѣстность. Не менѣе существенную помощь оказалъ и нашъ „Красный Крестъ“ отправившій въ Черногорію отрядъ подъ начальствомъ князя Васильчикова, имя котораго и теперь съ благодарностью вспоминается тамъ. Часть этихъ денегъ шла и въ Сербію, гдѣ былъ основанъ свой комитетъ, о делегатѣ котораго, Г. А. Веселитскомъ-Божидаровичѣ, дѣйствовавшимъ на границѣ Черногоріи, мы говорили уже.

Эта помощь частной благотворительности спасла Черногорію отъ голода, но при всемъ желаніи великихъ державъ онѣ не могли найти мирнаго разрѣшенія Балканскаго вопроса,—инсуренты продолжали геройскую борьбу, проникнутые глубо-

кимъ желаніемъ довести до конца свою борьбу за свободу.

По почину гр. Андраши, австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, послѣ долгихъ переговоровъ состоялось, наконецъ, относительно реформъ въ возставшихъ провинціяхъ, особое соглашеніе, сводившееся къ слѣдующимъ пяти статьямъ: 1) полная свобода вѣроисповѣданій, 2) уничтоженіе отдачи податей на откупъ, 3) употребленіе на мѣстныя нужды доходовъ областей, 4) учрежденіе смѣшанной комиссіи изъ христіанъ и мусульманъ для наблюденія за преобразованіями и 5) улучшеніе земледѣльческаго положенія сельскаго населенія. Порта выразила готовность сообразоваться съ желаніями державъ и для переговоровъ съ вождями инсургентовъ посланъ былъ австрійскій намѣстникъ въ Далмаціи баронъ Родичъ, но переговоры эти ни къ чему не привели, ибо державы вынуждены были признать ихъ требованія чрезмѣрными,—а инсургенты вновь взяли за оружіе и съ перемѣннымъ успѣхомъ вели борьбу всю зиму и весну 1876 г. Игнорировать требованія инсургентовъ совсѣмъ нельзя было, однако, и вотъ Императоръ Александръ II отправился въ Берлинъ, гдѣ по почину его въ первыхъ числахъ мая 1876 г. между Бисмаркомъ, Гр. Андраши и кн. Горчаковымъ состоялось новое соглашеніе, получившее извѣстность подъ именемъ „берлинскаго меморандума“, который въ сущности своей требовалъ двухмѣсячнаго перемирія, во время котораго державы должны

Императоръ Александръ III.

были достигнуть соглашенія между христіанами Босніи и Герцеговины на основаніи желаній, заявленныхъ инсургентами.

Одна лишь Англія не присоединилась къ этому меморандуму, почему онъ и не былъ сообщенъ Турціи, но тамъ въ эту пору совершилось нѣсколько переворотовъ, о которыхъ нельзя умолчать.

Фанатики и интриганы, свергнувъ великаго визиря Махмуда-Пашу, который расположенъ былъ къ сближенію съ Россіей, низложили затѣмъ султана Абдуль-Азиса, умертвили его и провозгласили султаномъ его племянника Мурада V, человека кроткаго и симпатизировавшаго европейскому просвѣщенію, но слабаго и ненормальнаго почти. На тронѣ онъ оставался лишь съ 30 мая по 31 августа когда былъ низвергнутъ и замѣненъ нынѣшнимъ султаномъ Абдуль-Гамидомъ. Новый султанъ немедленно издалъ амнистію всѣмъ своимъ возставшимъ подданнымъ и обѣщалъ ввести въ Турціи конституцію по европейскому образцу, но въ это время притѣсненные турками возстали и болгары въ окрестностяхъ Филиппополя и турки въ отвѣтъ на манифестъ своего султана такъ жестоко расправились съ болгарами, что привели въ ужасъ весь христіанскій міръ. Въ одномъ филиппопольскомъ округѣ вырѣзано было 12 т. болгаръ, а насилія, грабежи и убійства разлились по всей Болгаріи вплоть до Дуная. — Вся Европа была возмущена этой жестокостью, но въ особенности сильно было негодованіе русскаго общества, видѣвшаго въ болга-

рахъ братьевъ своихъ и Англіи, первый министръ которой Гладстонъ издалъ брошюру, переведенную на всѣ языки и озаглавленную „Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ“. „Великій старецъ“ Англіи требовалъ полнаго изъятія изъ турецкой зависимости Босніи и Герцеговины и Болгаріи, и брошюра его произвела на англійское общественное мнѣніе такое громадное впечатлѣніе, что, подчиняясь его вліянію, правительство Великобританіи потребовало отъ Порты наказанія виновниковъ филлипопольской рѣзни и исполненія Портой обѣщанія ввести реформы въ христіанскихъ областяхъ. Параллельно съ звѣрствами въ Болгаріи неоднократно турками нарушалась сербская граница и Правительство вынуждено было, наконецъ, призвать къ оружію всѣ свои силы, на что былъ заключенъ внутренний заемъ, и послать сенатора Алимпича въ Цетинье для заключенія съ княземъ Николаемъ оборонительнаго и наступительнаго союза.

Между тѣмъ въ Россіи стало все болѣе и болѣе обнаруживаться сочувствіе къ балканскимъ славянамъ. Картина бѣдственнаго положенія герцеговинскихъ выходцевъ, укрывшихся въ Черногоріи, яркими красками обрисованная въ публичныхъ лекціяхъ Г. А. Веселитскаго-Божидаровича, въ Петербургѣ и Москвѣ, взволновала русское общество и дѣятельность славянскихъ комитетовъ стала расти со дня на день, благодаря все усиливавшемуся притоку носильныхъ деиъ русскаго народа. Если не

считать единичныхъ случаевъ личнаго участія въ борьбѣ, русское общество дальше денежной помощи пока не шло,—нуженъ былъ толчокъ, и онъ явился, когда въ іюнѣ 1876 г. стало ясно, что Сербія и Черногорія готовятся къ войнѣ, когда въ Сербію рѣшилъ ѣхать Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, Д. П. Дохтуровъ, генералъ Новоселовъ, полковники Раевскій и Кирѣевъ *). За ними хлынулъ потокъ добровольцевъ и была пора,—25 іюня Сербія и Черногорія объявили Турціи войну.

Вотъ что пишетъ объ этомъ движеніи одинъ изъ современниковъ. „По мѣрѣ того, какъ пожаръ возстанія разгорался сильнѣе на Балканскомъ полуостровѣ, сочувствіе Россіи принимало все большіе и большіе размѣры. Въ славянскіе комитеты и въ редакціи органовъ нашей печати стали стекаться изъ разныхъ городовъ и селъ крупныя пожертвованія. Служащіе отчисляли изъ своихъ содержаній извѣстный процентъ въ пользу страдающихъ, когда же Сербія объявила Турціи офиціально войну и генералъ Черняевъ принялъ на себя должность главнокомандующаго сербскою арміею, то это сочувствіе сдѣлалось вопросомъ и потребностью дня.— Всѣ газеты ежедневно наполняли свои столбцы перечнями пожертвованій. Каждый почти крестьянинъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ внести лепту

*) Въ Сербіи М. Г. Черняевъ принялъ командованіе Моравско-Тимокской арміи; Дохтуровъ сталъ Начальникомъ Штаба, Новоселовъ — командиромъ Иборской арміи, а Кирѣевъ—командиромъ Сербской милиціи.

изъ своего дыряваго кармана. Члены славянскихъ комитетовъ ходили съ кружками и ежедневно собирали солидную дань приношеній.

Вслѣдъ за генераломъ Черняевымъ стали отправляться въ ряды сербской арміи наши добровольцы изъ разныхъ городовъ. На дебаркадерахъ желѣзныхъ дорогъ почти каждый день собирались толпы народа, провожая русскихъ волонтеровъ. Повсюду отъѣзжающимъ добровольцамъ народъ устраивалъ всевозможныя оваціи, напутствуя ихъ молебнами, благословляя иконами и провожая добрыми пожеланіями и оглашая воздухъ восторженными криками „Ура“ и „Живіо“. Тысячныя толпы народа бродили по улицамъ и пѣли общимъ хоромъ „Боже Царя храни“, „Коль славенъ“ и Спаси Господи люди Твоя“.

Съ каждымъ днемъ число добровольцевъ возрастало и въ продолженіе мѣсяца въ рядахъ сербскихъ войскъ насчитывали нашихъ добровольцевъ болѣе 10 тысячъ человѣкъ. Одновременно съ отъѣздомъ добровольцевъ, славянскіе комитеты отправляли организованные санитарные отряды въ сопровожденіи врачей и сестеръ милосердія, при чемъ однимъ изъ главныхъ былъ санитарный отрядъ Княгини Шаховской. Русскіе волонтеры, санитарные отряды и крупныя пожертвованія подняли воинственный духъ Сербіи и внесли въ войска ихъ могущественный элементъ.

Изъ Москвы въ главную квартиру М. Г. Черняева были посланы икона и хоругвь, сдѣланныя

по образцу великокняжескаго знамени Дмитрія Донскаго. Знамя это 26 сентября генераль Черняевъ вручилъ первому сформированному въ Сербіи русскому батальону добровольцевъ. Вообще Москва, сердце Россіи, особенно много сдѣлала въ ту эпоху для Сербіи и славянъ. Въ ней началось движеніе, въ ней оно и завершилось, благодаря энергій и любви къ славянамъ такого великаго въ исторіи славянскаго освобожденія дѣятеля, какъ П. С. Аксаковъ, вокругъ котораго сгруппировался комитетъ людей, свято преданныхъ и послужившихъ дѣлу.

Въ Москвѣ, на Никольской, во дворѣ „Славянскаго Базара“ цѣлыми днями не расходились толпы народа, добровольцевъ, ожидавшихъ очереди записаться въ комитетъ, куда съ улицы длинной вереницей шли жертвователи и милліонеры купцы и чиновники и монахи, и простой народъ, а близъ Ходынскаго лагеря въ Петровскомъ паркѣ офицеры Московскаго гарнизона осаждали дачу одного изъ членовъ Славянскаго Комитета А. А. Пороховщикова, чтобы записаться тоже, чтобы идти пролить свою кровь за братьевъ.

Тысячи уходили за Дунай, десятки тысячъ ежедневно провожали ихъ на Московско-Курскомъ вокзалѣ, гдѣ передъ отходомъ каждаго поѣзда духовенство служило молебенъ и колѣнопреклоненная толпа вторила пѣнію клира.

Распорядитель, членъ славянскаго комитета возлагалъ на каждаго добровольца образокъ или крестъ

и каждой группѣ отъѣзжавшихъ повторялъ ту же краткую, но выразительную и энергичную рѣчь: „Прощайте, православные, не посрамите себя и насъ ни въ пути, ни на мѣстѣ. Черняеву и всѣмъ братьямъ поклонъ передайте“. Затѣмъ поѣздъ трогался, а многотысячная толпа пѣла или тронарь „Спаси Господи люди Твоя“ или „Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебѣ Владычице“.

Да, велики были эти моменты, велика и незабвенна была эта эпоха всеобщаго подъема духа, когда вся православная Русь стала подъ знамя Славянскаго комитета; когда 21 сентября 1876 года Царь Мученикъ плакалъ, выслушивая докладъ члена этого комитета о томъ, что переживаетъ Россія; когда черезъ мѣсяць Онъ появился въ сердцѣ ея, въ Кремлѣ и повѣдалъ всему міру, что войну за освобожденіе братьевъ по вѣрѣ, которую за свой счетъ и страхъ повели лучшіе люди Его православнаго народа, — Онъ считаетъ и Своимъ дѣломъ!...

Да, велики были эти моменты, когда по словамъ историка С. М. Соловьева „русскій народъ впервые жилъ своей исторіей, своей религіей и своей политикой“, а И. С. Аксаковъ, по выраженію автора брошюры „Царь Освободитель“ — „Первый почувалъ, осмыслилъ и огласилъ душу русскаго народа“; когда застрѣльщики этого народа шли и умирали на берегахъ Тимока и Моравы тысячами, проложивъ и указавъ дорогу черезъ восемь мѣсяцевъ пошедшей за ними всей Россіи.

Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ.

Объявивъ 29 іюня 1876 года одновременно войну Турціи, князь Миланъ выѣхалъ къ арміи 30 іюня, а князь Николай 3 іюля и война почти немедленно началась на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій, но съ успѣхомъ далеко не равнымъ.

Мы не пишемъ критическаго обзора войны, мы чествуемъ память героевъ славянской борьбы, но должны сказать, что неуспѣхи сербской арміи, несмотря на то, что ею командовалъ герой Чимкента и Ташкента М. Г. Черняевъ, постигнѣ *боевой* генералъ, и рядъ блестящихъ удачъ черногорцевъ вполне объяснимъ самымъ свойствомъ, составомъ и организаціей армій Сербіи и Черногоріи. Въ ту пору, строго говоря, въ Сербіи не было арміи,—была милиція изъ юныхъ солдатъ, не видѣвшихъ никогда огня, не обученныхъ, плохо вооруженныхъ, не умѣвшихъ стрѣлять; милиція безъ офицеровъ почти или съ офицерами столь же неопытными какъ солдаты, безъ интендантства и санитарной части,—тогда какъ черногорцы *все* войны, все прекрасные стрѣлки, а въ опытѣ у нихъ недостатка не было никогда, какъ и въ храбрости и мужествѣ, что составляло ихъ главную силу. При этомъ въ Сербіи главнокомандующимъ явился молодой, никогда не бывавшій въ бою князь Миланъ, слушавшій каждаго и всякаго, тогда какъ черногорцами командовалъ единолично ихъ князь, закаленный въ бояхъ съ турками. Тѣмъ не менѣе и тѣ и другіе исполнили свое святое дѣло и сербы несчастіями своими столько же послужили общей

великой идеѣ освобожденія, сколько—черногорцы своими побѣдами.

Уже 11 іюля Черногорцы, соединившись съ герцеговинскими усташами, разбили турокъ у Гацко, а 28 іюля подъ Вучымъ Доломъ черногорцы уничтожили и разсѣяли авангардъ арміи Мухтара-паша, взявъ въ плѣнъ Османъ-пашу и 300 человекъ; 26 августа черногорцы заставили турокъ очистить укрѣпленія Требиње, и въ тотъ же день около Медуны на голову разбили армію Махмудъ-паша, положивъ на мѣстѣ 10.000 убитыхъ турокъ, захвативъ 6 знаменъ, орудія и массу военныхъ припасовъ; черезъ четыре дня у Подгорицы турки вновь потерпѣли серьезное пораженіе, потерявъ 3500 человекъ; 6-го сентября у Рогамскихъ высотъ турки еще разъ были разбиты; передъ этимъ 2 сентября Турки проникли у Грахова на черногорскую территорію, но ко дню перемирія 4 сентября оказались окруженными. Когда зловѣщее извѣстіе о переходѣ Мухтара-паша черезъ границу достигло Грахова всѣ мужчины отъ мала до велика взяли за оружіе, а женщины и дѣти бѣжали въ пограничное австрійское мѣстечко Драганъ; Грахово опустѣло и въ немъ остались лишь представители мѣстной администраціи, да персоналъ отряда „Краснаго Креста“ Князя Васильчикова, который рѣшился отступить только съ черногорцами, если-бы къ этому принудили ихъ турки.

8-го октября Черногорцы разбили Дервишъ-пашу у Высочицкихъ высотъ, а 18-го турецкій гарни-

зонъ Медуна сдался на капитуляцію, благодаря чему вся армія Дервиша-пашы отступила. Перечень всѣхъ битвъ и побѣдъ черногорцевъ занялъ бы много мѣста.—Турціи дорого обошлась борьба съ Орлами Черной горы и ея героями Княземъ Николаемъ, Божидаромъ Петровичемъ Ивгоиномъ, Ильею Пламенацомъ, Станко Радоничемъ, Гр. Милицевичемъ, Петромъ Вукотичемъ, Милошемъ Новакомъ, Ристо Даковымъ, Марко Миляновымъ и другими и рядомъ съ ними сражавшимися уставами Герцеговины Пейко Павловичемъ, Лазаремъ Сочицею, Богданомъ Зимоничемъ...

Геройски сражались и геройски умирали и сербы съ ихъ братьями русскими добровольцами на берегахъ Моравы, но здѣсь ихъ преслѣдовали неудачи. Планъ Черняева сразу перейти въ наступленіе, овладѣть бишемъ и, двинувшись дальше, поддержать возстаніе болгаръ признанъ превосходнымъ многими военными критиками, но неопытные сподвижники Черняева,—не бывавшіе въ бояхъ сербскіе генералы, плохо поддерживали его. Онъ двинулся на Нишъ, занялъ уже Бабину Главу, но изъ двухъ другихъ отрядовъ, которые должны были одновременно наступать съ фланговъ—одинъ отступилъ, другой же опоздалъ и движеніе не удалось. Неудачны были по подобнымъ же причинамъ и всѣ сраженія отъ 6 по 18 іюля подъ Зайчаромъ, гдѣ геройской смертью палъ Кирѣевъ, еще неудачнѣе были дѣйствія подъ Алексинацемъ и Княжевацемъ; наконецъ 29-го октября 1876 г. подъ

Дьюнишемъ разразился рѣшительный бой, въ которомъ геройски легла на мѣстѣ половина русскаго батальона и Дьюнишъ палъ... Сербскія линіи укрѣпленій были прорваны и турецкія орды кинулись внутрь страны... Дорога въ Бѣлградъ была открыта.

Спасти сербовъ могло только чудо и это чудо совершилось: мощное слово Царя-Освободителя, нашего Помазанника Божія остановило Турцію и спасло не только Сербію, но и Европу отъ позора быть равнодушной зрительницей новыхъ турецкихъ жестокостей. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе неудачъ сербовъ Князь Миланъ еще 12 августа принужденъ былъ обратиться къ посредничеству великихъ державъ съ просьбой прекратить бесполезное кровопролитіе. Державы выразили свое согласіе, Кн. Николай Черногорскій присоединился къ нимъ и по предложенію Англіи заключено было отъ 4 по 15 сентября перемиріе, о которомъ мы говорили, но переговоры о самомъ мирѣ не привели ни къ чему вслѣдствіе столь неумѣренныхъ и оскорбительныхъ для Сербіи требованій Порты, что въ отвѣтъ на нихъ сербская армія 16 сентября при громѣ пушекъ провозгласила Князя Милана — королемъ Сербіи. Тогда русское правительство предложило занять Боснію и Герцеговину австрійскими, а Болгарію — русскими войсками и сдѣлать военную демонстрацію передъ Константинополемъ, пославъ туда соединенный флотъ великихъ державъ, но такъ какъ исполне-

нію плана этого, по обыкновенію воспрепятствовала Англія, а отчасти и Австрія, то княземъ Горчаковымъ было предложено воюющимъ сторонамъ заключить перемиріе на шесть недѣль съ цѣлью дать время великимъ державамъ прійти къ благопріятному рѣшенію нѣкоторыхъ спорныхъ между ними вопросовъ объ условіяхъ міра. Поддерживаемая опять-таки правительствомъ Великобританіи, Порта соглашалась на перемиріе, но не на шесть недѣль, а на 6 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ она могла бы перевезти изъ Египта и Аравіи свѣжія полчища своихъ полудикихъ подданныхъ, дабы затѣмъ раздавить окончательно Сербію и уничтожить гнѣздо орловъ на Черной горѣ. Жестокій планъ этотъ былъ слишкомъ ясенъ для всѣхъ и, въ то время какъ въ Константинополѣ вели эти дипломатическіе переговоры, въ Ливадіи Императоръ Александръ II, чаша терпѣнія котораго переполнилась и миролюбіе котораго жестоко страдало, созвалъ совѣтъ относительно вооруженнаго вмѣшательства Россіи въ балканскія дѣла. Въ это время палъ Алексинацъ, а затѣмъ и Дьюинишъ и русское правительство 19 октября объявило Портѣ черезъ нашего посла П. К. Игнатьева слѣдующій ультиматумъ: если Порта въ 2-хдневный срокъ не приметъ перемирія на одинъ мѣсяць, или 6 недѣль, Россія разорветъ съ ней дипломатическія сношенія.

Порта подчинилась, но цѣна ея обязательствамъ была извѣстна уже и черезъ нѣсколько дней ки.

Горчаковъ извѣстилъ правительства великихъ державъ о томъ, что „Государь Императоръ, принимая съ своей стороны твердую рѣшимость преслѣдовать и достигнуть всѣми зависящими отъ него средствами предначертанную великими державами цѣль, изволилъ признать необходимымъ мобилизовать часть своей арміи“, а 27 октября Царь-Освободитель въ Москвѣ, принимая дворянство и городское общество, произнесъ слѣдующія историческія слова:

„Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Онѣ теперь болѣе разъяснились и потому я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ.—Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ бесполезной рѣзни въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію нельзя того же сказать про сербовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ которыхъ многіе заплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и происхожденію, но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вотъ почему я старался и продолжаю стараться дости-

Вел. Князь Сергѣй Александровичъ.

гнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На-дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій.

Желаю весьма, чтобы Мы могли придти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится и Я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что Мы въ правѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, и Я увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на Мой призывъ, когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ и всегда подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ Намъ Богъ исполнить наше святое призваніе“.

Жребій былъ брошенъ, а эти полныя достоинства, рѣшимости и миролюбія слова привели въ восторгъ всю Россію, которая нравственно давно была готова идти въ защиту своихъ братьевъ.

Къ первому января 1877 г. назначенная къ походу наша армія (7, 8, 9, 10, 11 и 12 корпуса) достигла 288 батальоновъ, 363 эскадроновъ и сотенъ, при 1,154 орудіяхъ, всего 460 тысячъ чело-вѣкъ, при чемъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміей назначенъ былъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, а начальникомъ штаба ея генералъ-адъютантъ Артуръ Адамовичъ Пенокой-

чицкій, которые съ конца ноября находились уже въ главной квартирѣ арміи, въ Кишиневѣ. Въ штабѣ главнокомандующаго была учреждена должность завѣдующаго гражданскими дѣлами для устройства гражданского управленія Болгаріи, на случай занятія ея русскими войсками. На эту должность былъ назначенъ кн. В. А. Черкасскій. Вооруженіе Россіи побудило Порту согласиться на созывъ въ Константинополѣ конференціи. Последняя составила изъ особыхъ представителей державъ, которыя участвовали въ заключеніи парижскаго договора 1856 г. Въ первой половинѣ декабря 1876 г. конференція собиралась на засѣданія, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ пословъ Игнатьева, но безъ участія Порты, и выработала рядъ требованій, которыя должны были быть предъявлены Портѣ. Помимо увеличенія территорій Сербіи и Черногоріи, предполагалось создать особое управленіе для Босніи и Герцеговины и Болгаріи; объявлялась равноправность вѣроисповѣданій, преобразовывался судъ и т. д. Для наблюденія за введеніемъ новыхъ реформъ учреждалась на одинъ годъ международная комиссія. 11-го декабря Порта была приглашена принять участіе въ засѣданіяхъ конференціи. Совѣщаніе длилось по 8-е января 1877 г. и конференція кончилась ничѣмъ. 15-го января представители великихъ державъ и русскій посолъ Игнатьевъ оставили Константинополь. Послѣ этого Порта, по совѣту Англіи, отвергая вмѣшательство державъ въ ея внутрен-

нія дѣла, изъявила готовность по собственному почину произвести реформы на всемъ пространствѣ имперіи, съ Сербіей былъ заключенъ миръ, велись мирныя переговоры и съ Черногоріей. Казалось была еще нѣкоторая надежда на мирное разрѣшеніе восточнаго вопроса. 19-го марта представители шести великихъ державъ подписали въ Лондонѣ протоколъ, которымъ отмѣчали нѣкоторые шаги Порты къ реформамъ и прибавляли, что они будутъ слѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями Порты въ этомъ направленіи. Въ случаѣ же неисполненія ею своихъ обѣщаній, державы обѣщали принять мѣры сообща, которыя они найдутъ наиболѣе цѣлесообразными для обезпеченія благосостоянія христіанъ и интересовъ всеобщаго мира. Лондонскій протоколъ былъ сообщенъ Портѣ и 28 марта ею рѣшительно отвергнутъ. 11-го апрѣля русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ извѣстилъ Порту, что ему приказано вмѣстѣ со всѣми чинами посольства и консулами порвать съ Турціей дипломатическія сношенія и выѣхать изъ ея предѣловъ, а 12-го апрѣля въ Кишиневѣ Императоръ Александръ II подписалъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи.

Какъ просты своей истинной и знаменательны были первыя слова, съ которыми епископъ кишиневскій Павелъ обратился въ этотъ день къ Государю Императору: „Благочестивѣйшій Государь. Оди и Ты, съ вѣрнымъ народомъ Твоимъ, возлюбилъ попираемые пятою ислама христіанскіе

народы не словомъ только, или языкомъ, но дѣломъ и истинною... Благословенъ грядый во Имя Господне, Русскій Царь Православный, Царь праведный и кроткій, Богомъ хранимый“.

Тѣмъ же епископомъ торжественно прочитанъ былъ войскамъ на скаковомъ полѣ близъ Кишенева манифестъ, послѣ чего войска, пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо Государя Императора, двинулись прямо на границу.

„Только въ ту минуту“, говоритъ очевидецъ, когда Государь произнесъ войскамъ: „Прощайте... до свиданья. Возвращайтесь поскорѣй со славой... Поддержите честь русскаго оружія и да хранитъ васъ Всевышній“.—Только послѣ этихъ, съ глубокимъ чувствомъ произнесенныхъ словъ, войска разразились громовыми криками. Но что это были за крики. Что за мощная сила вырвала ихъ изъ груди cadaго. Какой восторгъ, какая любовь сіяли на лицахъ. Какъ вся эта масса, въ невольномъ порывѣ восторженно ринулась къ Монарху и обступила его съ поднятыми вверхъ шапками, саблями, штыками. Безчисленныя массы народа кидались на колѣна, простирали къ Государю руки и шумно, радостно вторили этому восторгу войскъ... Женщины, дѣти махали платками, кидали букеты; множество мужественныхъ лицъ было орошено слезами, которыхъ не старались прятать другъ отъ друга. „Ура, за братій! За святое дѣло! За вѣру Христову! За свободу славянъ!“. Раздавались

повсюду мощные крики. Казалось самый воздух гремить надъ этими слившимися во едино и сплотившимися вокругъ своего Царя массами войска и народа... Но описать этого невозможно.—Такія минуты народныхъ порывовъ во всемъ ихъ объемѣ, во всей ихъ силѣ, не поддаются никакому описанію. Они только глубоко чувствуются и никогда потомъ не забываются; они всецѣло становятся достояніемъ всемірной исторіи“.

И такихъ минутъ много было въ эту славную эпоху, такою была и та минута, когда на другой день, за обѣдомъ, Государь Императоръ сообщилъ о полученіи Имъ изъ Москвы телеграммы, извѣщающей, что московская городская дума жертвуетъ милліонъ рублей на санитарные расходы и, кромѣ того, постоянное содержаніе на тысячу кроватей. За сердцемъ Россіи, Бѣлокаменной, откликнулись одинъ за другимъ все города и все Россіи,—для списка пожертвованій этихъ книга понадобилась бы.

Такой минутой была и та, когда тотъ-же народъ провожалъ 25 апрѣля сформированныя Г. М. Столѣтовымъ болгарскія дружины, когда народъ этотъ за епископомъ Павломъ повторялъ его слова болгарамъ: „Богъ мститель призываетъ васъ отмстить за неповинную кровь христіанскую, вопіющую на небо... Васъ не нужно призывать къ самоотверженію, къ борьбѣ со врагомъ до послѣдней капли крови: вы горите нетерпѣніемъ быть бичемъ Божиимъ, смертельно поражающимъ свирѣпаго врага

и притѣснителя вашихъ братій. Да поможетъ вамъ Господь врага поразить, а братій вашихъ спасти отъ порабощенія, муки и гибели“.

14-го апрѣля уже нашъ авангардъ былъ у Браилова, а 21-го былъ сдѣланъ первый выстрѣлъ и началась бомбардировка по турецкимъ мониторамъ, изъ которыхъ двое жестоко пострадали, а корветъ „Лютфи-Джелиль“ былъ взорванъ двумя выстрѣлами 4-ой батареи осадной артиллеріи *). Война началась и началась безусловно счастливо, такъ какъ, если мы сухопутными силами значительно превышали турокъ у Дуная, то опасались ихъ прекрасной флотиліи, способной помѣшать намъ переправиться черезъ эту многоводную рѣку, ибо съ нашими небольшими военными судами мы не могли вступать въ борьбу съ броненосцами. Тѣмъ не менѣе на югъ были отправлены нѣсколько яхтъ и баркасовъ, организована была флотилія миноносокъ и на разныхъ пунктахъ лѣваго побережья Дуная заготовлены были склады минъ. Какъ только война была объявлена, четыре русскихъ корпуса вступили въ Румынію и немедленно приступили къ возведенію батарей на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ дунайскаго побережья; вмѣстѣ съ этимъ заграждено было минами устье Серетъ. Къ 10-му мая было закончено развертываніе передовой линіи нашихъ войскъ, расположившихся отъ села Копоче-

*) Стрѣльбу вели поручикъ Самойло и подпоручикъ Романовъ, а наводчиками были рядовые Р. Давыдовъ и Помнаръ, впоследствии за эти выстрѣлы получившіе пенсію отъ г. Одессы.

Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

ни до устья Ольты, а тѣмъ временемъ румынскіе полки мало по малу отступали къ Малой Валахін, замѣняемые все прибывавшими русскими. Съ каждымъ днемъ наши придунайскія батареи усиливались и усиливались, вооружаемыя осадными орудіями, а турки не принимали никакихъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать движенію русскихъ войскъ въ Румынію. Помѣшатель нашему переходу черезъ Дунай они надѣялись при помощи своей флотиліи, но крайне неумѣло взялись за дѣло, раскидавъ весь флотъ по различнымъ пунктамъ побережья Чернаго моря. Часть судовъ турки отослали къ малоазіатскимъ берегамъ и къ устьямъ Дуная, Тульчѣ и Браилову, а другую часть размѣстили между Виддиномъ и Браиловымъ мелкими отрядами, причемъ распоряженіе ими было предоставлено комендантамъ крѣпостей. Но, несмотря на это, турки могли еще представить намъ серьезныя препятствія къ переправѣ черезъ рѣку, и вотъ помимо прибрежныхъ батарей нами былъ устроенъ по Дунаю цѣлый рядъ минныхъ загражденій, такъ что русскія миноноски въ скоромъ времени явились полными хозяевами нижней части рѣки отъ Гура-Яломицы до Киліи.—Съ окончаніемъ минныхъ работъ дѣятельность нашей флотиліи затихла-бы, если-бы наши славные моряки могли помириться съ пассивною ролью и если-бы турецкіе мониторы не дразнили ихъ. Лейтенанты Дубасовъ, Шестаковъ и Петровъ и мичманы Персинъ и Баль задумали попробовать силу шестовыхъ торпедъ надъ

броненосцами и получили на то разрѣшеніе. Въ глухую ночь на 14-ое мая четыре шлюбки отвалили отъ пристани и пробрались въ Мачинскій рукавъ. Первый ударъ въ лѣвый бортъ большого монитора сдѣлала шлюбка Дубасова, несмотря на то, что и „Цесаревичъ“ былъ замѣченъ и осыпанъ градомъ пуль. Пробитый мониторъ сталъ опускаться кормой въ воду, но Дубасовъ крикнулъ: „Плохо тонетъ, Шестаковъ начинай,“ и ударъ „Ксеніи“ былъ такъ искусственно направленъ, что мониторъ потонулъ почти немедленно. Едва отстрѣлявшись отъ непріятеля, атаковавшаго ихъ на шлюбкахъ, храбрецы на зарѣ вернулись въ Браиловъ, не потерявъ ни одного раненаго.—Честь и слава нашимъ морякамъ, среди которыхъ не умеръ духъ Орлова-Чесменскаго, Лазарева и Нахимова. Въ тотъ же день по телеграфу Государь Императоръ пожаловалъ Дубасова и Шестакова орденами св. Георгія Побѣдоносца.

За этимъ послѣдовали подвиги и другихъ нашихъ храбрыхъ моряковъ и имена Дубасова, Шестакова, Баранова, Скрыдлова и Рождественскаго вписаны золотыми буквами въ исторіи нашего флота.

Но вернемся къ нашей арміи.—26-го апрѣля въ составъ дѣйствующей арміи, состоявшей изъ 8, 9, 11 и 12-го корпусовъ, были включены еще три вновь прибывшіе корпуса, 4, 13 и 14. Эти войска были распределены такъ: 14-й корпусъ направленъ къ Галацу на смѣну частей 11-го, 13-й къ Александріи, а 4-й вмѣстѣ съ 3-ей батареей составилъ общій резервъ арміи.

26-го мая въ Плоешты, въ главную квартиру, прибылъ Государь Императоръ, восторженно встрѣченный войсками, тысячами болгаръ, бѣжавшихъ въ Румынію и румынами и энергичная дѣятельность арміи, готовившейся къ переправѣ, стала еще кипучѣе.

Сильный разливъ Дуная мѣшалъ немедленной переправѣ русскихъ войскъ, но главнокомандующій рѣшилъ не откладывать ее позднѣе половины іюня. До послѣдняго момента турки были въ полномъ недоумѣніи относительно мѣста переправы, вслѣдствіе того, что русскія войска появились на всемъ обширномъ протяженіи лѣваго берега, а также по всему берегу устраивали сильныя батареи. Для отвлеченія ихъ вниманія отъ участка рѣки между Никополемъ и Руцукомъ, куда стягивались наши главные силы, начальникъ 14-го корпуса генералъ Циммерманъ получилъ приказаніе переправиться черезъ Нижній Дунай не позже 10-го іюня, и вотъ въ ночь, предшествовавшую этому дню, 18-ая пѣхотная дивизія переправилась отъ окрестностей Галаца къ Буджакскимъ высотамъ, узкою косою вдающимся здѣсь въ низменность Дуная, и безъ особеннаго труда отбросила защищавшіе ихъ турецкіе отряды, которые отступили въ Мачину.

Это было первое блестящее дѣло нашей скромной армейской пѣхоты, первый подвигъ нашей арміи. Первыми переправились подъ огнемъ и начали бой 2 роты 69-го Рязанскаго полка, а пер-

выми вступили на турецкій берегъ того-же полка прапорщикъ Сушковъ и поручикъ Эльснеръ, тутъ-же раненый.—Во все время боя болгары ближайшаго села Гарвина въ церкви своей молили Бога о дарованіи намъ побѣды, и Богъ услышалъ ихъ молитву и къ вечеру они крестнымъ ходомъ могли встрѣтить побѣдителей.—Командовавшій переправой генералъ Жуковъ, поручикъ Эльснеръ и прапорщикъ Сушковъ были награждены орденами св. Георгія. Въ войскахъ нашей молодецкой пѣхоты это были первыя награды въ освободительную войну.

Узнавши о блестящей переправѣ, турецкій начальникъ Али-Паша приказалъ своимъ войскамъ отступить къ Троянову Валю. Вслѣдъ за этимъ у Браилова былъ наведенъ мостъ и началась переправа всего 14-го корпуса.

„Общее настроеніе войскъ, говоритъ очевидецъ, было радостное, восторженное. Двинутые по мановенію Монарха полки привѣтствовали изъявленіе Его державной воли громкими, продолжительными криками „ура“ и проходили мимо Императора съ музыкой и веселыми пѣснями. Несмотря на 30-ти градусную жару, ротные плясуны, заломивъ шапки на затылокъ, съ „ложками“ и цвѣтами въ рукахъ, отбивали лихого трепака впереди своихъ фронтовъ. Это шествіе въ предполагаемый бой являлось истинно военнымъ торжественнымъ праздникомъ. Звонъ городскихъ колоколовъ, трубы и барабаны, радостныя клики, гудѣнье бубновъ, звяканье металли-

ческих тарелокъ, искусные соловьиные высвисты и множество скрещивавшихся въ воздухѣ широкихъ мотивовъ русскихъ пѣсенъ—все это сливалось вмѣстѣ и стояло однимъ свѣтлымъ, ликующимъ, непрерывнымъ гуломъ надъ громаднымъ пространствомъ лагернаго поля, и надъ городомъ, и внизу надъ Дунаемъ. Всѣ суда, наполнявшія Браиловскій портъ, расцвѣтились пестрыми флагами; на городскихъ улицахъ тоже развѣвались флаги русскихъ, болгарскихъ, сербскихъ и румынскихъ національных цвѣтовъ; окна и балконы красиво пестрѣли коврами, яркими тканями, цвѣточными гирляндами и роскошной комнатной зеленью, а подъ ними, на тротуарахъ и площадяхъ, въ ожиданіи проѣзда Государя, колыбалась и гудѣла говоромъ празднично настроенная толпа городскихъ жителей. Отплывающіе солдаты махали бѣлыми шапками, а въ отвѣтъ имъ на высокомъ берегу женскіе батистовые платки привѣтно мелькали въ воздухѣ, ребятшки размахивали флагами, тысячи рукъ посылали въ слѣдъ уходящимъ благословенія; болгарскія дѣвушки съ края обрыва кидали внизъ на головы тѣсно столпившихся солдатъ цвѣты, вѣнки и букеты... Передовые батальоны, пущенные по мосту, уже приближались къ тому берегу, и легкій вѣтерокъ доносилъ оттуда высокія звенящія нотки ротныхъ подголосковъ и стройные оркестровые звуки красиваго марша. Прорвало, наконецъ, роковую плотину—и волна русскаго войска столь долго скованнаго томительнымъ ожиданіемъ и бездѣйствіемъ, хлынула на ту сторону“...

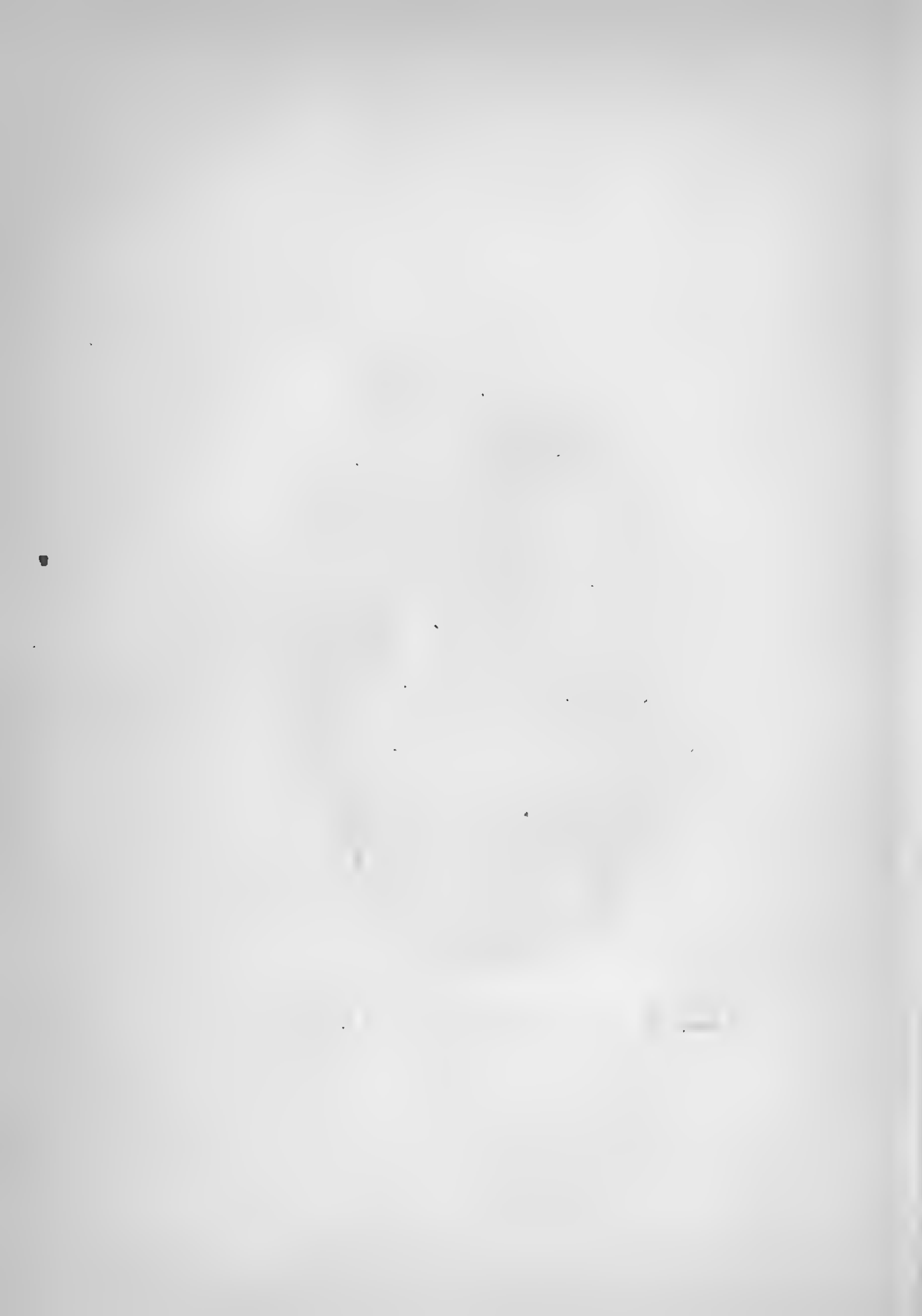
15-го мая съ боемъ у Зимницы переправилась и знаменитая 14-ая дивизія Драгомирова, причемъ мы потеряли не мало солдатъ потонувшими, убитыми и ранеными. Переправа была совершена также молодецки, какъ и у Браилова и армія вполнѣ заслужила слѣдующій приказъ Главнокомандующаго:

„Войска ввѣренной Миѣ арміи. Самое трудное дѣло предстоящей намъ кампаніи — переходъ черезъ Дунай — совершено, и совершенно блистательно въ Галацѣ, Браиловѣ и въ Систовѣ. Тамъ и здѣсь войска, бывшія въ дѣлѣ, вели себя поистинѣ геройски. Ни казавшіяся непроходимыми препятствія природы, ни громадныя средства обороны врага, ни его упорное сопротивленіе не остановили васъ. Вы побороли все и явились достойными тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя возлагаетъ на васъ обожаемый нашъ Монархъ, а съ нимъ и вся Россія. Рядомъ съ непобѣдимымъ мужествомъ войскъ, одолѣвшихъ штыкомъ и пулею врага, не меньшее геройство и самоотверженіе выказано было всѣми чинами и частями войскъ, подготавливавшими средства для переправы.

„Моряки, саперы и казаки, пѣхота, артиллерія и кавалерія наперерывъ другъ передъ другомъ работали безъ усталы надъ подготовкою лодокъ, плотовъ, надъ проводомъ ихъ подъ огнемъ непріятельской крѣпости къ мѣсту переправы, надъ ослабленіемъ непріятельской артиллеріи. Моряки съ самыми скудными средствами, на утлыхъ ладьяхъ, борются съ мониторами, взрываютъ ихъ или заграждаютъ минами и дѣлаютъ ихъ безвредными.

Вел. Кн. Николай Николаевичъ Младшій.

„Не могу нахвалиться добросовѣстнымъ исполненіемъ всѣмъ чинами своего долга, а равно мужествомъ и безстрашіемъ, съ которыми войска бились съ врагомъ.

„Не моимъ заслугамъ, а вашему самоотверженію приписываю я награду — орденъ Св. Георгія 2-ой степени, которымъ Государь Императоръ удостоилъ меня пожаловать. Не Я, а вы заслужили эту награду.

„Сердечное спасибо Мою всѣмъ—отъ старшихъ начальниковъ до рядового.

„Продолжайте-же работать и напередъ такъ, какъ начали, и мы исполнимъ то святое дѣло, на которое послалъ насъ Царь и за успѣхъ котораго молится вся Россія“.

21-го іюня устроенъ былъ мостъ и у Зимницы и главныя силы безпрепятственно могли перейти черезъ Дунай, чтобы двинуться вглубь Болгаріи. 30-го іюня главная квартира прибыла уже въ Тырновъ, древнюю болгарскую столицу и Великій Князь Николай Николаевичъ былъ встрѣченъ жителями съ такимъ живымъ восторгомъ, который трудно и даже нельзя передать словами. Нужно вспомнить, что этой минуты болгарскій народъ ждалъ нѣсколько вѣковъ,—она настала, надъ изстрадавшейся страпою наконецъ загорѣлась заря освобожденія.

Народъ ликовалъ, благодарилъ Всевышняго и благословлялъ своихъ избавителей - спасителей. — Предѣловъ радости его не было. Незабвенная эпоха,

которая и сейчасъ жива въ сердцахъ стариковъ-болгаръ.

Послѣ переправы главныхъ силъ, былъ отправленъ къ югу подъ начальствомъ генерала Гурко отрядъ изъ 12-ти тысячъ человѣкъ, которому поручено было овладѣть проходами въ Балканахъ; въ видѣ частнаго резерва за нимъ слѣдовалъ 8-й корпусъ генерала Радецкаго; другой т. н. Рущукскій отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича, получилъ предписаніе подступить къ Рущуку и попытаться овладѣть имъ; 9-ый корпусъ съ кавказской казачьей бригадой направленъ на Никополь; 4-ый корпусъ и часть 11-го оставлены было въ общемъ резервѣ, другую же часть 11-го корпуса оставляли у Журжи. Турецкое правительство, крайне встревоженное появленіемъ нашихъ войскъ на правомъ берегу Дуная, отправило предписаніе Сулейману-пашѣ, дѣйствовавшему тогда въ Черногоріи, отдѣлить большую часть своихъ войскъ и отправить ее на присланныхъ судахъ въ Македонію. Такимъ образомъ Черногорія, находившаяся почти на краю гибели, обязана свимъ спасеніемъ состоявшейся тогда переправѣ нашихъ войскъ. 22-го іюня началось побѣдоносное наступленіе нашихъ передовыхъ отрядовъ, 23-го былъ уже взятъ городъ Бѣла на рѣкѣ Янтрѣ, а 25-го Тырновъ. Въ тотъ-же день полусотня донскихъ казаковъ случайно зашла въ Плевну и обезоружила находившуюся тамъ роту, но потомъ удалась. 30-го іюня 9-ый корпусъ подошелъ къ

Никополю; въ то-же время самъ главнокомандующій прїѣхалъ въ Тырновъ, и туда-же прибыли главные части 8-го корпуса.

Турецкое военное министерство, встревоженное извѣстіемъ о быстромъ движеніи русскихъ войскъ проявило усиленную дѣятельность. Абдулъ-Керимъ, начальникъ главныхъ силъ, расположенныхъ въ т. н. четырехугольникъ, состоявшемъ изъ крѣпостей Руцукъ, Силистрія, Шумла и Варна, получилъ приказаніе выступить на встрѣчу русскимъ; армія Реуфа-паши сосредоточивалась за Балканами, въ долину рѣки Тунджи, войска Мехмета-Али, стоявшія у границъ Сербіи, должны были двинуться по направленію къ Сербіи, а комендантъ Никополя обязывался послать часть гарнизона въ Плевну. Въ то-же время Османъ-паша, начальствовавшій войсками въ Виддинъ, оставилъ крѣпость и поспѣшилъ сблизиться съ русскими главными силами. а Сулейманъ вывелъ всѣ оставшіяся войска изъ Черногоріи. Между тѣмъ нашъ передовой отрядъ успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе. Не только спеціалисты военного дѣла, но вся Европа, внимательно слѣдившая за лихимъ набѣгомъ генерала Гурко, была въ восторгѣ отъ этого движенія.

Задача генерала Гурко, нарочно для этого вызваннаго изъ Петербурга, заключалась въ томъ, чтобы стремительнымъ движеніемъ овладѣть Балканскими проходами и начать ихъ разработку для движенія обозовъ и тяжестей подъ прикрытіемъ

кавалеріи, которая должна была быть выслана за Балканы.

Генераль Гурко, не рѣшаясь открыто направиться къ укрѣпленному Шипкинскому проходу, рассчитывалъ обойти его съ восточной стороны, по ущелью Ханибогазъ, выходящему въ деревню Ханикѳой, — деревня эта, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, считалась неприступной и никѣмъ не охранялась. Гурко надѣялся 5-го іюля подойти къ Шипкѣ и атаковать перевалъ съ тыла; въ тоже время атаку съ фронта долженъ былъ произвести, согласно распоряженію главнокомандующаго, Орловскій пѣхотный полкъ. Однако, вслѣдствіе неимовѣрныхъ трудностей перехода, а также благодаря нѣсколькимъ стычкамъ съ турками, главный передовой отрядъ нѣсколько задержался въ горахъ и не подоспѣлъ въ назначенный день къ Шипкѣ, одиночная-же атака Орловскаго полка закончилась неудачей. Не зная, что Орловскій полкъ отступилъ въ Габрово, генераль Гурко 6-го іюля послалъ 13 и 15 стрѣлковые батальоны помочь орловцамъ, но атака вышла одиночной, безъ артиллеріи, оставшейся при болгарскомъ ополченіи и стрѣлки потерпѣли тоже неудачу, причемъ турки изуродовали нашихъ раненыхъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Къ счастью Реуфъ-паша не воспользовался затруднительнымъ положеніемъ русскихъ отрядовъ и пребывалъ въ бездѣйствіи, а начальникъ турецкихъ войскъ на перевалѣ, Хулюми-паша, опасаясь грозившаго ему съ двухъ

сторонѣ непріятеля, въ ночь послѣ второй атаки оставилъ свою прекрасную позицію и направился горными дорогами къ юго-западу. 7-го іюля Орловскій полкъ вступилъ въ Шипкинскій проходъ и въ тотъ же день казаки захватили городъ Ловчу. Тѣмъ временемъ рущукскій отрядъ медленно подвигался на востокъ, ожидая прибытія осадной артиллеріи, и къ 7-му іюля занялъ наблюдательными постами лѣвый берегъ рѣки Кара-Ломъ, отъ Гюръ-Чешлее до Ковачицы. Въ промежутокъ между этимъ отрядомъ и войсками Радецкаго, ставшими въ Тырновѣ, вступила 13-ая кавалерійская дивизія, части которой заняли городъ Елену и село Беброво. Между тѣмъ 9 корпусъ еще 4-го іюля завладѣлъ Никополемъ, откуда, однако, часть гарнизона успѣла перейти въ городъ Рахово, а три батальона бѣжали въ Плевну. Сейчасъ-же послѣ взятія Никополя командиру 9-го корпуса генералу Криднеру было приказано отправить отрядъ для захвата Плевны, но у этого города нашимъ войскамъ встрѣтилось серьезное препятствіе, вызвавшее крупныя осложненія въ ходѣ военныхъ дѣйствій, а затѣмъ совершенно измѣнившее все положеніе дѣлъ на театрѣ войны. Османъ-паша, вышедшій 2-го іюля изъ Виддина съ большею частью своихъ войскъ, поспѣшно направился къ востоку и 7-го числа на разсвѣтѣ былъ уже у Плевны, занятой незадолго передъ этимъ отрядомъ, ушедшимъ изъ Никополя, на что къ сожалѣнію своевременно не было обращено нами вниманія. И вотъ отрядъ въ 7000 человекъ, вы-

сланный къ Плевнѣ генераломъ Криденеромъ, неожиданно наткнулся на превосходившія его въ нѣсколько разъ непріятельскія силы и принужденъ былъ отступить съ большимъ уропомъ. Османъ-паша тѣмъ временемъ дѣятельно занялся укрѣпленіемъ Плевны, а съ прибытіемъ подкрѣпленія изъ Софіи отправилъ Рифата-пашу къ Ловчѣ, которая и была занята 14-го іюля турецкимъ отрядомъ. Занимавшія передъ этимъ Ловчу четыре казачьи сотни отступили въ Сельви.

Между тѣмъ и за Балканами дѣла принимали совершенно другой оборотъ: 7-го іюля войска Сулеймана, въ числѣ 33-хъ тысячъ человѣкъ, начали высаживаться въ гавани Деде-Агачъ на Эгейскомъ морѣ и отходили по направленію къ Адрианополю.

Въ русской главной квартирѣ не придавали особеннаго значенія неудачной битвѣ 8-го іюля, но въ виду близости Плевны къ мѣсту переправы нашихъ войскъ, рѣшено было прогнать турокъ съ ихъ укрѣпленной позиціи. Задача эта возлагалась на генерала Криднера, отрядъ котораго усиливался частями 11-го и 4-го корпусовъ. Такое положеніе дѣлъ отразилось на восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій: наступательное движеніе къ Рущуку было на нѣкоторое время пріостановлено, тѣмъ болѣе, что, по полученнымъ извѣстіямъ, можно было опасаться нападенія на Тырновъ значительныхъ турецкихъ силъ, сосредоточенныхъ у Османъ-Базара. Пріостановлено было вначалѣ и движеніе

М. Г. Черняевъ.

передового отряда, и лишь конныя части его продолжали производить развѣдки въ южномъ направленіи. Однако уже 16-го іюля генералу Гурко предоставлено было право дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, причемъ къ его отряду присоединилась и бригада девятой пѣхотной дивизіи, стоявшей у Ханкіоя.

Между тѣмъ дѣла турокъ пошли значительно лучше: высадившіяся у Деде-Агача войска Сулеймана-паши представляли надежную защиту для Андріанополя, Османъ безпрестанно получалъ все новыя и новыя подкрѣпленія; къ Софіи стягивались войска изъ Ниша и Новибазара; въ это же время внутри страны поспѣшно формировались новыя полки. Все это вмѣстѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ 8-го іюля очень содѣйствовало подъему духа у непріятеля, и вотъ къ 9-му іюля сераскеріатъ выработалъ уже планъ одновременнаго нападенія на русскихъ съ трехъ сторонъ съ тѣмъ, чтобы прогнать ихъ за Дунай. Предпріятіе турокъ не могло увѣнчаться успѣхомъ, хотя бы потому, что имъ недоставало объединенія власти на театрѣ войны или въ крайнемъ случаѣ согласія главныхъ начальниковъ въ выполненіи этой обширной военной операціи. Мехмедъ-Али, смѣнившій Абдулъ-Керима, Сулейманъ и Османъ паши дѣйствовали каждый по своему усмотрѣнію, преслѣдуя свои личныя цѣли. Тѣмъ не менѣе турки получили надъ нами значительный перевѣсъ, превосходя насъ общей численностью своихъ войскъ, хотя въ

частности русская конница и артиллерія была сильнѣй и многочисленнѣй турецкой.

Во второй половинѣ іюля возобновились дѣйствія нашего передового отряда за Балканами, дѣйствія, прославившія имена генерала Гурко и другихъ.

Получивъ право поступать по своему усмотрѣнію и 1-ю бригаду 9-й дивизіи на помощь, генералъ Гурко рѣшилъ двинуться на Іени-Загру и взять ее раньше, чѣмъ армія Сулеймана-пашы начнетъ оперировать противъ него. Взять Іени-Загру рѣшено было 18-го іюля, для чего отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны: правая—герцога Николая Михайловича Лейхтенбергскаго, идущая на село Карабунаръ, средняя изъ стрѣлковъ, идущая изъ Казанлыка на Чайнакчи и лѣвая, идущая изъ Хаинкіоя въ д. Ложу. Средній и лѣвый отрядъ 17-го іюля исполнили свое назначеніе, но Эскизагринскій отрядъ (правая колонна) встрѣтилъ весьма серьезное препятствіе около д. Чирково въ видѣ большого непріятельскаго отряда, открывшаго жестокій бой. Кавалерія наша и болгарскія дружины дрались какъ львы, но прогнать непріятеля не могли и заночевали у деревни Дальбоки. Донесенія Н. М. Лейхтенбергскаго были такого рода, что онъ долженъ былъ вернуться съ дружинами и артиллеріей въ Эски-Загру, а кавалерію, подъ начальствомъ брата своего Евг. Мак. направилъ къ Іени-Загрѣ, не зная, что дѣлается съ колоннами лѣвой и правой. Насталъ день 18-го іюля, въ теченіе котораго, съ шести часовъ утра до 5-ти ве-

чера, кавалерія герцога (12 эскадроновъ и 6 орудій) бились съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, не допустивъ его идти къ Іени-Загрѣ на помощь сражавшимся.

Въ это время подъ Іени-Загрою жарко бились средняя и лѣвая колонны, прославившія себя Ельцы и Сѣвцы и „желѣзная“ 4-я стрѣлковая бригада г. Цвѣтинскаго. Послѣ сильнаго боя турки бѣжали, оставивъ 800 труповъ и массу оружія, но и у насъ выбыло изъ строя до 200 человекъ.

Взявъ Іени-Загру, генераль Гурко рѣшилъ идти на выручку Эски-Загры, откуда не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, но собрать войско онъ могъ только къ вечеру и, переночевавъ въ Карабунарѣ, 19-го рано утромъ, встрѣтивъ у Джуранлы значительныя силы, принялъ бой.—Не зная еще о наступленіи Сулеймана-паши, онъ рѣшилъ атаковать непріятеля съ фронта, надѣясь, что Герцогъ Лейхтенбергскій атакуетъ съ тыла, для чего началъ обходное движеніе, чтобы отрѣзать отступленіе непріятелю. Непріятель, однако, оказался гораздо сильнѣе, а Эскизагринскій отрядъ не откликался, бой развивался и г. Гурко скоро понялъ, что передъ нимъ не 9 таборовъ Реуфа, а армія Сулеймана-паши.

Разъ это выяснилось, генералу Гурко не оставалось ничего, кромѣ крайней необходимости во что бы то ни стало, разбить отрядъ, бывшій передъ его глазами, а затѣмъ немедленно идти на помощь герцогу Лейхтенбергскому. Но для испол-

ненія этого плана необходимо было, чтобы и герцога Лейхтенбергскій принялъ рѣшеніе защищаться до послѣдней крайности, до послѣдняго человѣка, потому что иначе уже не часть, а всѣ силы Сулеймана-пашы обрушились бы на генерала Гурко. Вслѣдствіе такого осложненія дѣла, генераль послалъ въ Эски-Загру приказаніе держаться до послѣдней крайности, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ герцога Лейхтенбергскаго, что какъ только Богъ поможетъ ему разбить турокъ, онъ сейчасъ же придетъ на помощь Эски-Загрѣ и ея отряду.

Несмотря на численный ихъ перевѣсъ, турки тщетно пытались атаковать насъ, а лихая № 15 донская батарея, подослѣвшіе стрѣлки, Ельцы и Сѣвцы совокупными усиліями не только остановили наступленіе, но обратили противниковъ въ безпорядочное отступленіе.

Въ это время прибыла кавалерія, лихіе Кіевцы и Астраханцы, а полковникъ Вульфертъ съ 7-ю ротами Ельцовъ и Сѣвцовъ обошелъ правый флангъ непріятеля и непріятель, дрогнувъ, побѣжалъ, сбрасывая съ себя все, что затрудняло. Но несмотря на это, генераль Гурко отдаетъ имъ полную справедливость въ томъ, что они „сражались великолѣпно“. Погибая сотнями отъ губительныхъ картечныхъ гранатъ, они все же стойко защищали свою позицію въ теченіе шести часовъ, и послѣ сраженія, обозрѣвая поле дѣйствій, можно было безошибочно опредѣлять направленіе ихъ стрѣлковыхъ позицій по длиннымъ линіямъ турец-

кихъ труновъ. Трудно опредѣлить позиціи противника: тѣла его валялись повсюду — и на поляхъ, и въ кустахъ, и въ лѣсу, и въ кукурузѣ; самъ Эминъ - паша, начальствовавшій этимъ отрядомъ, былъ раненъ въ ногу, о чемъ узнано отъ нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ и раненыхъ турокъ.

Но, преслѣдуя бѣгущихъ, наши въ тоже время видѣли, какъ надъ Эски-Загрою взвиваются громадныя клубы чернаго дыма, какъ повсюду въ окрестностяхъ пылаютъ болгарскія села — и скорбное зрѣлище этихъ пожаровъ производило на войска сильное впечатлѣніе.

А подъ Эски-Загрою въ эту пору шелъ тоже горячій бой, одно изъ самыхъ геройскихъ сраженій памятной войны. Герцогъ Ник. Мих. Лейхтенбергскій съ утра велъ бой, а между тѣмъ съ юга на Эски-Загру все болѣе и болѣе надвигались густыя тучи пѣхоты и конницы, желавшія, казалось, раздавить своею массою слабыя силы защитниковъ города. Начальникомъ городской обороны былъ назначенъ полковникъ Депрерадовичъ. Выславъ на помощь къ нему Казанскій драгунскій полкъ и видя, что въ случаѣ сильнаго натиска турокъ на восточную окраину города, намъ будетъ очень трудно, если не вовсе не возможно, пройти къ ущелью, сквозь которое лежалъ единственный путь нашего отступленія, — герцогъ Лейхтенбергскій рѣшился перевести остальные двѣ болгарскія дружины *) на

*) Находившіяся вмѣстѣ съ кавалеріею и конной артиллеріею на позиціи у Айдапы.

дорогу, ведущую изъ города въ ущелье. Было уже половина двѣнадцатаго, когда къ бугру неожиданно прибылъ генеральнаго штаба генераль-майоръ Раухъ, прорвавшійся подъ градомъ снарядовъ изъ іени-загринской колонны мимо турецкой позиціи, и принялъ начальство надъ эски-загринскимъ отрядомъ.

Онъ первымъ дѣломъ приказалъ кавалеріи идти съ конною артиллеріею на присоединеніе къ правому флангу іени-загринскаго отряда, дѣйствовавшаго противъ джуравлійской позиціи, а два донскія орудія отправилъ въ городъ, чтобы не оставлять казанскихъ драгунъ вовсе безъ артиллеріи. Генераль Столѣтовъ лично повелъ было эти орудія, но они не дошли до казанскаго полка, потому что новыя обстоятельства указали на необходимость выставить ихъ около бугровъ, заслоняющихъ входъ въ ущелье. Впереди этихъ бугровъ расположены были 1-я и 3-я дружины болгарскаго ополченія.

Около часу дня дѣла наши подъ Эски-Загрой приняли слѣдующее положеніе:

2-я и 5-я дружины, съ двумя горными орудіями и дивизиономъ казанцевъ, вынуждены были отступить изъ города, который отъ дѣйствія турецкихъ гранатъ уже горѣлъ во многихъ мѣстахъ. 1-я и 3-я дружины закрывали собою ущелье, а между ними и городомъ залегъ въ садахъ другой дивизионъ спѣшенныхъ казанцевъ. Два донскія орудія находились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ этого

боевого порядка, подъ прикрытіемъ полусотни 26-го донского полка. Турки же, пользуясь закрытой мѣстностью и садами, окружающими городъ, и рассчитывая на свое громадное численное превосходство надъ нами, подступали къ намъ все ближе и ближе, и наконецъ успѣли своимъ обходомъ подвергнуть нашъ лѣвый флангъ большой опасности.

По отзыву герцога Николая Лейхтенбергскаго, болгары дружинники дрались здѣсь „какъ львы, защищая каждую пядь родной земли“. Роты 3-й дружины (подполковника Калитина) и 1-я дружина (подполковника Кисякова), разстрѣлявъ свои патроны, по нѣскольку разъ бросались въ штыки и опрокидывали противника, но встрѣчаемые залпами резервовъ и гранатнымъ огнемъ гибли десятками, не уступая ни на шагъ свою позицію. Много легло здѣсь болгаръ истинными героями, много пало русскихъ, ихъ кадровыхъ учителей и боевыхъ воспитателей; между прочимъ, здѣсь же погибли и подполковникъ Калитинъ и капитанъ Федоровъ и штабсъ-капитанъ Усовъ и поручикъ Поповъ, этотъ цвѣтъ русскаго боевого офицерства, отданный болгарскимъ дружинамъ нашими туркестанскими батальонами. Замѣчательна смерть Калитина. Во время штыковой атаки болгаръ на турокъ былъ убитъ знаменщикъ 3-й дружины, унтеръ-офицеръ Марченко. Вмѣстѣ съ нимъ поверглось на землю и прекрасное знамя, подаренное болгарамъ Самарою. Калитинъ, замѣтившій это паденіе, мигомъ соскакиваетъ съ лошади, хва-

таетъ за древко, и снова вскочивъ въ сѣдло, выносятся съ высоко поднятымъ знаменемъ передъ фронтомъ своей дружины. „Ребята, знамя наше съ нами. Впередъ—за нимъ! за мной!“ звучнымъ голосомъ кричитъ онъ своимъ ополченцамъ, не замѣчая, что съ этого момента онъ самъ сдѣлался почти исключительно цѣлью турецкихъ стрѣлковъ, и повернувъ лошадь, устремляется на турокъ. Дружно гаркнули „ура“ въ отвѣтъ ему болгары; въ рядахъ ихъ раздалась уже было боевая болгарская „пѣсня свободы“, склоненные ятаганы ихъ шаспо уже засверкали вокругъ и впереди Калитина—турки попятились. Но въ это мгновенье, зашатавшись въ сѣдлѣ и безсильно свѣсивъ на грудь голову, Калитинъ вдругъ падаетъ на землю. Онъ былъ пронзанъ тремя пулями. Ближайшіе люди подскочили на помощь къ своему командиру—но для него все уже было кончено: красивое, выразительное его молодое лицо, еще за мгновенье передъ этимъ столь вдохновенно дышавшее и мыслью, и отвагою, разомъ покрылось смертною блѣдностью. Онъ былъ мертвъ. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ вынулъ изъ руки его знамя, у котораго почти на серединѣ было пробито древко, и только что успѣлъ сдѣлать съ нимъ два три шага, какъ и его положила турецкая пуля. На смѣну ему тотчасъ же явился другой унтеръ-офицеръ, но и этотъ былъ убитъ на мѣстѣ. Въ эти минуты бой шелъ уже въ упоръ съ противникомъ. Кучка турокъ подобралась къ лежавшему знамени и двое изъ нихъ

І. В. Гурко.

уже поволокли было его на свою сторону; съ остервененіемъ кинулись на нихъ болгары—кто въ штыки, кто въ приклады—и среди ожесточеннѣйшей свалки съ торжествомъ вырвали свою драгоценную святыню — первое болгарское знамя—изъ рукъ непріятеля.

Столь упорная оборона дружинниковъ ошеломила, наконецъ, турокъ своею стойкостью, такъ что они пріостановили свое наступленіе въ садахъ между Мурадлы и городомъ. Эта пріостановка дала возможность ополченцамъ свободно отойти къ ущелью, подъ прикрытіемъ дивизіона спѣшенныхъ драгунъ и остатковъ дружинъ 2-й и 3-й, подъ начальствомъ полковника Депрерадовича. 1-я и 3-я дружины, потерявъ три четверти своихъ людей и большую часть офицеровъ, стали отходить кучками къ ущелью, когда было уже около двухъ часовъ пополудни. За ними начали отступленіе спѣшенные казаки и драгуны съ горною батареею, которая, до послѣдняго картечнаго заряда оставалась передъ толпами насѣдавшихъ турокъ и черкесовъ.

Но не успѣли еще дружины занять возвышенность, какъ предупредившіе ихъ черкесы, забравшись на горныя вершины, открыли оттуда огонь, принудившій болгаръ спуститься въ глубину ущелья, куда послѣдовали за ними и казанцы.

Такимъ образомъ входъ въ ущелье сдѣлался свободнымъ. Къ счастью въ это время изъ города по склону горы подоспѣлъ полковникъ Депрера-

довичъ съ 1-мъ дивизиономъ казанцевъ и остатками 2-й и 5-й дружинъ, приведенными сюда въ полномъ порядкѣ. Этотъ послѣдній арьергардъ и прикрылъ собою сборъ войскъ эски-загриискаго отряда у села Дербенткюй, куда къ пяти часамъ вечера прибылъ генералъ Раухъ, который отвелъ повозки съ ранеными и собранныя войска за рѣку Тунджу.

По отзыву герцога Николая Лейхтенбергскаго, геройская защита дружинниками родного города пріобрѣтаетъ тѣмъ больше значенія, что въ то самое время, когда они дрались въ садахъ и виноградникахъ около Мурадлы, тысячи стариковъ, женщинъ и дѣтей болгарскихъ, спасаясь изъ подъ турецкихъ гранатъ, покидали тѣсныя улицы пылающаго города и бѣжали въ тоже самое ущелье, куда должны были отступить и наши войска. Такимъ образомъ въ день 19 іюля наши дружинники честно исполнили свой долгъ не только какъ войско, но и какъ братья-защитники болгаръ, спасшихся отъ турецкой мести и неволи *).

Около 7-ми часовъ вечера генералъ Гурко, шедшій на выручку Эски-Загры былъ уже въ 7-ми верстахъ отъ нея, но было уже поздно начинать наступленіе, да и войска были утомлены, а ночью оказалось, что въ сраженіяхъ двухъ предыдущихъ дней артиллерія и пѣхота истратили почти всѣ свои патроны и потому Г. Гурко долженъ былъ отступить на Хаинкюй.

*) Описаніе сраженій подъ Іени-Загрой и Эски-Загрой заимствовано у В. Крестовскаго: „Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи“. —

Послѣдствіемъ нашей неудачи была страшная рѣзня, жертвами которой въ долинѣ Марицы и въ долинѣ Розъ сдѣлалось все, что не успѣло бѣжать или укрыться въ лѣсныхъ тущобахъ. Общая убыль убитыми и ранеными въ отрядѣ Г. Гурко за все время его забалканской экспедиціи, т. е. со 2-го по 20-е іюля выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: офицеровъ 61, нижнихъ чиновъ 1467, а всего 1528 человекъ, кавалерія же вслѣдствіе крайняго напряженія, при быстрыхъ, почти непрерывныхъ передвиженіяхъ на значительныя разстоянія и по труднымъ дорогамъ, потерпѣла большой ущербъ въ конскомъ составѣ, такъ что нѣкоторыя части возвратились изъ-за Балканъ, имѣя всего лишь отъ пяти до восьми рядовъ во взводахъ.

„Перевалъ отряда черезъ Малые Балканы въ долину Тунджи, говоритъ Кн. Л. В. Шаховской въ его прекрасной книгѣ „Два похода за Балканы“—былъ крайне тяжелый.

Необходимость заставила выбрать ближайшую дорогу, чтобы возможно скорѣй уйти отъ арміи Сулеймана и занять выгодныя позиціи на высотахъ Большихъ Балканъ. Но за то эта ближайшая дорога оказалась на дѣлѣ не дорогой, а совершеннымъ бездорожьемъ. Еле замѣтная тропа близъ селенія Дальбока вела на высокую и крутую гору, на которую взбирался отрядъ въ теченіе цѣлаго дня 20-го іюля, начавъ подъемъ съ 5-ти часовъ утра и окончивъ его къ 8-ми часамъ вечера. Спускъ

съ горъ въ долину Тунджи былъ не лучше подъема. Тутъ дорога проходила по ложу потоковъ, прорывшихъ себѣ путь между каменистыми глыбами, поросшими мхомъ и кустами. Этотъ путь, сдавленный съ двухъ сторонъ скалами былъ мѣстами до того тѣсенъ и узокъ, что телѣги и артиллерія еле-еле умѣщались на немъ; кромѣ того, онъ весь былъ заваленъ крупными каменьями, отъ которыхъ жестоко страдали наши раненые. Раненыхъ везли въ телѣгахъ подъ шатромъ сплетенныхъ надъ телѣгами древесныхъ сучьевъ. Телѣги были длинныя, неуклюжія. Поминутно ихъ громадныя колеса взбирались на большіе камни, и съ однихъ камней срывались на другіе. Раздирающій душу вопль раздавался при каждомъ толчкѣ телѣги и стонъ раненыхъ не умолкалъ ни на минуту на всемъ протяженіи спуска. Раненые страдали невыносимо. Цѣлый день имъ приходилось тащиться по этой адской дорогѣ, такъ какъ движеніе съ горы внизъ совершалось съ тою же медленностью, что и подъемъ наканунѣ. Телѣги то и дѣло застрѣвали между камней или же не могли двигаться дальше вслѣдствіе тѣсноты пути. Надо было расширять дорогу и разрабатывать ее кирками и лопатами, что постоянно задерживало движеніе отряда. Ко всему этому присоединялась еще палящая жара: жгучимъ огнемъ дышали вокругъ раскаленные скалы. Напрасно солдаты пѣжно заботились о раненыхъ, поддерживали телѣги на рукахъ, дѣлились съ ранеными послѣдними каплями

воды въ маперкахъ: до десяти раненыхъ не вынесли этой дороги и умерли въ пути.

Гурко слѣдовалъ весь день въ хвостѣ отряда и только къ вечеру сталъ обгонять колонны, рассчитывая остановиться на ночлегъ въ тотъ же день въ долину Тунджи. Она развернулась передъ нами снова, это роскошная долина, при послѣднихъ лучахъ солнца, спрятавшася за грандіозныя цѣпи Большихъ Балкановъ. Ея журчащія ручьи, богатство зелени, и деревьевъ, усыпанныхъ сочными плодами, нѣжное синеватое освѣщеніе привѣтствовали насъ измученныхъ палящимъ зноемъ, воплями и стопами раненыхъ. Какъ будто эта чудная долина манила насъ къ себѣ на покой и отдыхъ. Авангардъ отряда уже спустился въ долину. Мы обогнали его. Солдаты шли въ ногу, бодро распѣвая пѣсни. Знакомая имъ долина, видимо, вливала и въ нихъ свѣжія силы. Такъ недавно еще они побѣдоносно проходили по ней отъ Хаинкіюйя до Казанлыка, отъ Казанлыка на Шипку. Они шли теперь хоромъ распѣвая пѣсню, не знаю, когда и кѣмъ сочиненную, очевидно для болгарской дружины. Напѣвъ ея былъ заунывный, слова ея были грустные, хотя солдаты переводили ее поминутно на веселый ладъ:

...А вотъ Тунджи долина,
Гдѣ кровь лилась рѣкой,
Гдѣ храбрая дружина
Дралась за край родной,
Но горныя вершины

Я васъ увижу-ль вповь

Балканскія долины—

Кладбище удальцовъ... и т. д.

На душѣ было невесело. Нашъ забалканскій походъ былъ оконченъ и что то новое, неизвѣстное ожидало насъ впереди. На сѣверѣ Болгаріи выросла Плевна во всемъ ея грозномъ значеніи. Она потребовала напряженія всѣхъ боевыхъ силъ русской арміи, она не допустила присылки подкрѣпленія Гурко для продолженія похода за Балканы, веденнаго съ такою смѣлостью и такимъ успѣхомъ. Главная квартира переѣхала изъ Тырнова въ Горній Студень. Изъ Россіи двигалась Императорская гвардія...

Это была неудача, но она покрывала славою наши войска и болгарскія дружины.

Въ это же время, 18-го іюля мы потерпѣли еще большее пораженіе подъ Плевной, гдѣ армія наша стяжала неменьшую славу. Неудача перваго Плевненскаго дѣла еще настоятельнѣе выказала важность и опасность для насъ Плевны, какъ стратегическаго пункта, откуда турки, если бы вздумали перейти въ наступленіе, то могли бы самымъ серьезнымъ образомъ угрожать и Тырнову и Спсову, т. е. нашей главной коммуникаціонной линіи въ Болгаріи, и нашему, въ то время еще единственному мосту на Дунаѣ.

А потому предполагаемая возможность наступленія Османа-наши на нашу коммуникаціонную линію побудила барона Криденера тотчасъ же стя-

нуть къ окрестностямъ Плевны всѣ войска его корпуса. Сознавая, однако, что его неполный и утомленный взятіемъ Никополя корпусъ недостаточенъ для второй попытки взять Плевну, онъ настоятельно просилъ подкрѣпленій, которое подъ начальствомъ князя Шаховскаго (3 бригады пѣхоты и 1 кавалеріи) и было послано. Кромѣ того, для установленія связи между расположеніемъ 9-го корпуса и главными силами арміи, а также для развѣдки силъ противника, находящагося у Плевны и для прикрытія путей, ведущихъ оттуда на Тырново, Сельви и Ловчу, 10-го іюля былъ сформированъ особый кавалерійскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Скобелева 2-го. Въ составъ сего послѣдняго вошла и Кавказская казачья бригада. По пріѣздѣ князя Шаховскаго, обрисовавъ общее положеніе дѣлъ, выясненное произведенными доселѣ рекогносцировками, затѣмъ изложивъ послѣднія свѣдѣнія о силахъ противника, о его расположеніи на плевненскихъ позиціяхъ и сопоставивъ съ ними числовыя данныя нашихъ силъ (менѣе 27-ми тысячъ штыковъ противъ 60 тысячъ), начальникъ 9-го корпуса предложилъ присутствовавшимъ вопросъ: возможно ли при такихъ условіяхъ атаковать Плевну, Отвѣтомъ на это было общее единодушное „нѣтъ“. Тогда было составлено особое офиціальное донесеніе, въ которомъ, послѣ изложенія данныхъ, предъявленныхъ на обсужденіе начальниковъ частей 9-го корпуса, баронъ Криденеръ извѣщалъ главную квартиру, что по ихъ

единогласному рѣшенію, атака Плевны признана невозможною, но что если бы, несмотря на это, послѣдовало приказаніе атаковать, то онъ, баронъ Криденеръ считаетъ восточную и юго-восточную стороны доступнѣе сѣверной.

16-го числа былъ полученъ телеграфный отвѣтъ Великаго Князя Главнокомандующаго на бумагу, посланную 14-го съ корнетомъ Хвощинскимъ. Этотъ краткій отвѣтъ заключался въ четырехъ словахъ: „Одобряю вашъ планъ атаки“, что и было сочтено барономъ Криденеромъ какъ бы за приказаніе атаковать Плевну. Но, все таки, оставалось еще мѣсто нѣкоторому сомнѣнію, такъ какъ прямого приказанія атаковать въ телеграммѣ не было. Тогда г. Криденеръ вновь собралъ начальниковъ частей и спросилъ: готовы ли они атаковать и получивъ отвѣтъ, что если прикажутъ, то, конечно,—да, предложилъ диспозицію для боя, а получивъ новый приказъ, за подписью Помощника Начальника штаба арміи генерала Левицкаго, назначилъ атаку на утро 18-го іюля.

Утро 18-го іюля было очень сырое,—передъ тѣмъ шли дожди и туманъ, застилавшій окрестности былъ столь густъ, что серьезно препятствовалъ развѣдкамъ и наблюденіямъ нашихъ кавалеристовъ. Генералъ Скобелевъ первымъ началъ бой, занявъ третій гребень Зеленыхъ Горъ, у самаго города Плевны, но положеніе его было въ высшей степени затруднительное, ибо онъ былъ отдѣленъ отъ прочихъ войскъ каменнымъ Тученинскимъ

Θ. Θ. Ραδεϋκίη.

оврагомъ. Съ свойственнымъ ему быстрымъ военнымъ глазомѣромъ, М. Д. Скобелевъ сообразилъ, что ему нужно во что бы то ни стало удержать свою позицію, чтобы турки не могли дѣйствовать въ лѣвый флангъ войскамъ кн. Шаховскаго, штурмовавшего въ это время Радишевскія высоты. Послѣ блестящей защиты Зеленыхъ горъ, несмотря на геройскія усилія его отряда (Кавказская сводная бригада съ 8 Донской и Горной батареями, а затѣмъ присланный въ помощь 3-й бат. 125 пѣх. Курскаго полка), Скобелевъ все таки долженъ былъ отступить на Кришинъ, такъ какъ изстратилъ всѣ свои резервы. Положеніе генерала Скобелева, говоритъ В. Крестовскій, въ этотъ моментъ боя было весьма критическое: противникъ его получилъ значительное подкрѣпленіе и тѣснилъ 3-ю стрѣлковую роту и взводъ 9-й роты, утомленные шести-часовымъ боемъ. Казаки уже нѣсколько разъ подвозили къ нимъ въ мѣшкахъ патроны, а прислуга I-й конногорной батареи неутомимо доставляла воду для истомленныхъ жаждою людей. Но огонь противника все усиливался, такъ что подъ жестокимъ его напоромъ пришлось изъ четырехъ пѣшихъ орудій два отвести на заднюю позицію, къ дер. Кришину. Оставленные уже на мѣстѣ два орудія подъ начальствомъ поручика Прохоровича продолжали дѣйствовать по истинѣ геройски. Въ минуту прибытія трехъ ротъ резерва, усиленный и ободренный непріятель тѣснилъ нашу цѣпь, которая отступала медленно и неоднократно снова бросалась въ шты-

ки. Но силы противника были слишком велики и онъ находился уже въ 20-ти саженьяхъ отъ двухъ орудій Прохоровича. Въ это то мгновеніе, подоспѣвшія курскія роты 3-го батальона стремительно бросились въ штыки, опрокинули турокъ, и будучи поддержаны двумя сотнями владикавказцевъ, значительно подкрѣпленныхъ нѣсколькими другими частями своего полка, не только прогнали врага, но, спустившись съ горы, ворвались на его плечахъ въ плевнишское предмѣстье. Здѣсь подоспѣли къ непріятелю свѣжія силы и дружно начали напирать на курскія роты, осыпая ихъ пулями и картечными гранатами. Будь въ резервъ у курскихъ хотя еще одна свѣжая рота, они могли бы удержать за собою позицію въ предмѣстьи города, но резерва не было. Пришлось по-неволѣ отступить.

Въ 10 час. вечера полученъ приказъ кн. Шаховскаго отступить къ Боготу. Въ теченіе всего дѣла, Скобелевъ большею частью былъ впереди, вмѣстѣ со стрѣлковою цѣпью. Одна лошадь подъ нимъ была убита, другая ранена. Во время отступленія онъ слѣзъ съ коня и, вложивъ саблю въ ножны, лично замыкалъ отходящую цѣпь кавказцевъ, вмѣстѣ съ генеральнаго штаба полковникомъ Перенсовымъ, который въ теченіе всего боя находился при немъ въ первой линіи и, какъ свидѣтельствуется самъ Скобелевъ,—былъ настоящимъ его помощникомъ, въ полномъ смыслѣ слова и во всѣхъ отношеніяхъ.

Отрядъ кн. А. И. Шаховскаго, съ Рыльскимъ

полкомъ во главѣ, въ 6 час. утра уже двинулся къ Радишеву, въ 10 ч. взялъ деревню безъ боя, а затѣмъ встрѣченъ былъ огнемъ турокъ и завязалъ бой, продолжавшійся съ переменнымъ успѣхомъ до 4 час., когда кн. Шаховской почувствовалъ настоятельную потребность въ подкрѣпленіи. Подкрѣпленіе было дано генераломъ Криденеромъ, но... всѣ геройскія успія нашихъ войскъ не повели ни къ чему. Въ это же время и Скобелевъ ввелъ въ рукопашную уже послѣдніе остатки своего скуднаго резерва и дѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку атаки противъ Плевны. Сумерки сгущались все болѣе, люди были истомлены до послѣдней крайности, убыль оказывалась непомѣрною, — все это явно указывало, что судьба боя склонялась не въ пользу князя Шаховского. Время было подумать объ отступленіи — и князь Шаховской рѣшилъ отвести свои войска на первоначальную позицію, то есть на высоты впереди Радишева. Это было въ семь часовъ утра.

Также геройски дрались и войска генераловъ Бѣлокопылова, Шильдеръ-Шульднера и Вельяминова, составлявшія главную колонну и также неудачно кончился для нихъ бой. Плевна защищалась гораздо большими силами, чѣмъ это предполагалось и атакующіе требовали подкрѣпленій „Баронъ Криденеръ“, говоритъ В. Крестовскій, „все еще стоялъ на открытой площадкѣ возвышенности, когда около шести часовъ вечера къ нему прискакалъ отъ князя Шаховского новый по-

сланный — адъютантъ Главнокомандующаго штабс-ротмистръ Дерфельденъ, съ тревожной вѣстью, что на лѣвомъ флангѣ нужна немедленная помощь, а иначе дѣло разыграется плохо. И не успѣлъ онъ окончить своего доклада, какъ скачетъ третій посланный, свиты Его Величества генераль-маіоръ графъ Протасовъ-Бахметьевъ съ настоятельной просьбой о подкрѣпленіи; вслѣдъ за нимъ прибылъ и четвертый — и все одно и то же требованіе: „Помощь“.

Но у барона Криденера уже не было никакихъ средствъ для помощи.

А между тѣмъ у турокъ, за Гривицкимъ редутъ, стоялъ еще цѣлый укрѣпленный лагерь...

Баронъ Криденеръ сдѣлалъ еще послѣднюю попытку атаковать Гривицкій редутъ, но и она не увѣнчалась успѣхомъ.

„Солнце скрылось, черезъ полчаса наступила полная темнота; мѣсяцъ пока не показывался, а вокругъ редута все еще кипѣла ружейная перестрѣлка, сопровождаемая отчаянными, остервенѣлыми криками „ура“. Войска не хотѣли отступить, пока не овладѣютъ этимъ укрѣпленіемъ. Для наблюдающихъ за боемъ, при сгущавшихся сумеркахъ, въ пыли и дыму облакавшихъ Гривицкій редутъ, уже ничего невозможно было разглядѣть; по временамъ казалось, будто стрѣльба затихала и какъ бы удалялась, замолкали и крики, и тогда можно было думать, что редутъ уже въ нашихъ рукахъ, однако проходила минута, другая, — и

снова поднимается усиленная канонада, снова, какъ барабанная дробь, закипаетъ перестрѣлка, быстро трещать одинъ за другимъ ружейные залпы и вмѣстѣ съ ними опять колеблется, опять исчезаетъ наша минутная обманчивая надежда.

Въ минуты этихъ судорожныхъ колебаній боя, порою казалось, что дѣло еще не потеряно, что еще одно напряженіе, еще одинъ порывъ, и редутъ въ нашихъ рукахъ. Въ одно изъ подобныхъ мгновеній къ барону Криденеру подъѣзжаетъ ординарецъ князя Шаховского, съ извѣстіемъ, что начальникъ лѣвофланговаго отряда, не имѣя больше войскъ подъ рукою не въ силахъ держаться долѣе и потому начинаетъ отступленіе.

— Передайте князю Шаховскому, чтобы вовсе не отступать, — сказалъ генералъ Криденеръ:— всѣмъ оставаться на тѣхъ позиціяхъ, гдѣ застанетъ ночь. Завтра утромъ мы пойдемъ и возьмемъ Плевну.“

Это былъ не болѣе, какъ самообманъ отчаянія, кн. Шаховской уже началъ отступленіе, держаться не было возможности. Въ полномъ порядкѣ войска отступали, но ген. Вельяминову съ трудомъ удалось вытащить свою дивизію изъ боя, а Архангелогорцы со своимъ командиромъ флигель-адъютантомъ Шлиттеромъ не хотѣли выходить изъ Гривицкаго редута до 11 час. утра. Таковъ былъ духъ этихъ скромныхъ невидныхъ богатырей, потерявшихъ въ этотъ день 7.336 человекъ.

Не менѣе энергичную, самоотверженную дѣятель-

ность проявили въ этотъ ужасный день и врачи наши. Сколько тысячъ раненыхъ, оставшихся въ живыхъ благословляли имена профессоровъ Склифософскаго и Корженевскаго, докторовъ Кадацкаго, Таубера, Дурновскаго, Блюменфельда, Кецера, Масловскаго и др., имена которыхъ столь же достойны быть записаны на золотыхъ доскахъ войны, сколько такихъ героевъ этого дня, какъ убитый бар. Каульбарсъ, Саранчевъ, Шлиттеръ и другихъ.

Какія причины были всѣхъ этихъ неудачъ? Этотъ вопросъ разберетъ военная исторія, наше же дѣло признать, что войска наши стояли ни въ всякаго упрека, что они съ геройскимъ самоотверженіемъ, до послѣдней минуты исполняли свое тяжкое дѣло.

Положеніе дѣлъ на театрѣ войны неожиданно и круто измѣнилось: изъ наступательнаго положенія наши главныя силы должны были перейти въ оборонительное, при томъ на крайне невыгодныхъ условіяхъ. Войска наши были разбросаны на протяженіи 330 верстъ въ видѣ выгнутой къ югу полудуги. Между мѣстами расположенія отдѣльных отрядовъ въ нашемъ фронтѣ образовались большіе промежутки, которые, за неимѣніемъ общихъ резервовъ, нечѣмъ было заполнить. А непріятель со значительно превосходными силами подступалъ съ трехъ сторонъ, угрожая намъ серьезно опасностью. Особенно опаснымъ противникомъ для русскихъ являлся теперь Османъ-паша, войска ко-

тораго, воодушевленные двумя недавними побѣдами, горѣли желаніемъ битвы и находились всего въ трехъ переходахъ отъ Систова. Вслѣдствіе всего этого нами рѣшено было до прибытія подкрѣпленія изъ Россіи воздерживаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій, ограничиваясь лишь удержаніемъ и защитой занятаго нами района. Главное вниманіе всѣхъ русскихъ силъ обратилось на Плевну. Приказомъ отъ 19 іюля назначено было генералу Радецкому удержать линію Сельви-Шипка-Елена; ген. Гурко отступить на сѣверную сторону Балканъ; рущукскому отряду занять оборонительныя позиціи на рѣкѣ Ломъ; генералу Циммерману занявшему линію Кюстенджи-Меджидіе-Чернаводы, тоже держаться оборонительно. Въ тотъ же день Императоръ Александръ II, все время находившійся при дѣйствующей арміи, повелѣлъ мобилизовать гвардейскій корпусъ, двѣ гренадерскія, двѣ пѣхотныя и одну кавалерійскую дивизію, всего около 110 тысячъ человѣкъ. Но такъ какъ нельзя было даже и ожидать ихъ прибытія въ скоромъ времени, а русскіе нуждались въ немедленномъ подкрѣпленіи, нашъ главнокомандующій обратился съ предложеніемъ къ князю Румынскому перевести войска черезъ Дунай для совмѣстныхъ дѣйствій съ русскими.

Къ счастью турки, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній о силахъ нашихъ отрядовъ, не сумѣли воспользоваться затруднительнымъ въ то время положеніемъ главной арміи, чему отчасти способствовала и вражда Сулеймана и Мехмета-Али.

Послѣ второго боя подъ Шипкой прошли почти въ полномъ бездѣйствіи двѣ недѣли. Наконецъ 3 августа, послѣ различныхъ видоизмѣненій плана предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, сераскериатъ послалъ Сулейману приказаніе немедленно овладѣть Шипкинскимъ переваломъ. 9-го августа турки безуспѣшно атаковали русскую позицію, защищаемую войсками генерала Г. Г. Радецкаго и въ теченіе девяти дней повторяли атаки, но постоянно съ урономъ отражаемые, отчаялись взять ее приступомъ и перешли къ обстрѣливанію позиціи съ трехъ сторонъ, продолжавшемуся всю осень и зиму... Два неполные полка, съ остатками болгарскихъ дружинъ и 20-ю орудіями, обороняли этотъ проходъ отъ цѣлой арміи Сулеймана-паши. Занесенные снѣгомъ, замерзавшіе на постахъ и въ траншеяхъ, подъ пулями добывавшіе воду для питья, наши армейцы геройски отстаивали свою Шипку, эти Оермопилы новой исторіи и эта жизнь адская для другихъ, стала такой обычной имъ, что Федоръ Федоровичъ Радецкій отнюдь не бравировалъ, посылая свои депеши, сдѣлавшіяся историческими: „на Шипкѣ все спокойно“...

Въ началѣ августа силы Мехмета-Али возросли до 100 тысячъ человѣкъ и стоявшія противъ нихъ войска Наслѣдника Цесаревича (45 тыс. человѣкъ, раскинутыхъ на протяженіи 60-ти верстъ) въ случаѣ энергичныхъ дѣйствій со стороны турокъ оказались бы въ очень опасномъ положеніи. Этого къ счастью не произошло, благодаря нерѣшитель-

М. Д. Скобелевъ.

нымъ дѣйствіямъ турецкаго военачальника. Послѣ нѣсколькихъ побѣдъ, одержанныхъ въ сраженіяхъ на Кара-Ломѣ, туркамъ удалось лишь оттѣснить наши войска отъ праваго берега этой рѣки. Вслѣдъ за этимъ Наслѣдникъ Цесаревичъ отвелъ 13-й корпусъ къ Банницкому Лому и сблизилъ его съ 12-мъ, такъ что линія протяженія русскихъ отрядовъ значительно сократилась и совершенно закрыла врагамъ доступъ къ городу Бѣла. Правое крыло Рущукскаго отряда и пути отъ Разграда и Ески-Джумы прикрывались стоявшимъ у Чаиркіоя отрядомъ генерала Татищева.

Запершись въ Плевнѣ, Османъ-паша, со своей стороны сдѣлалъ лишь одну попытку противъ русской позиціи у деревни Пелишатъ, но послѣ неудачнаго окончанія ея, ограничился лишь усиленіемъ своихъ укрѣпленій. Всѣ вообще несогласныя и нерѣшительныя дѣйствія турокъ дали намъ возможность относительно спокойно ожидать подкрѣпленій и лишь въ срединѣ августа, когда общая численность русскихъ и румынскихъ войскъ достигла 85.000, рѣшено было вновь перейти къ наступательнымъ движеніямъ. На первомъ планѣ, конечно, было поставлено взятіе Плевны, куда стягивались всѣ вновь прибывшія войска за исключеніемъ нѣсколькихъ частей, отправленныхъ въ подкрѣпленіе отрядовъ Цесаревича и Радецкаго. 25 августа, когда подъ Плевной собралось до 96 тысячъ русскихъ и румынскихъ войскъ, мы начали приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Для

обезпеченія себѣ безопасности съ тыла рѣшено было овладѣть сначала угрожавшей намъ съ юга Ловчей. 22 августа городъ былъ атакованъ и послѣ 12-ти часового боя взятъ княземъ Имеретинскимъ. Въ виду того, что правильная осада Плевны грозила слишкомъ затянуться, положено было взять ее штурмомъ, который былъ произведенъ 30 августа, но стоилъ громадныхъ потерь и окончился отраженіемъ русскихъ. Эта неудача совсѣмъ обезкуражила большинство лицъ въ главной квартирѣ, совѣтовавшихъ отложить продолженіе военныхъ дѣйствій до будущей весны, а пока отступить за Дунай. Но Императоръ Александръ II согласился съ мнѣніемъ меньшинства, которое возражало, что отступление теперь не мыслимо, что теперь скорѣй, чѣмъ когда либо слѣдовало принудить Османа къ сдачѣ, выждавъ прибытія гвардіи и гренадеръ, и подвергнувъ его тѣсной блокадѣ. Для руководства дѣйствіями подъ Плевной былъ вызванъ славный генералъ Тотлебенъ, прославившійся во время незабвенной осады Севастополя. До взятія Плевны рѣшено было держаться строго-оборонительнаго положенія во всѣхъ прочихъ пунктахъ мѣстопохожденія нашимъ войскамъ.

Османъ-паша, замѣчая дѣятельныя приготовленія русскихъ и предвидя, что можетъ быть поставленъ въ совершенно изолированное положеніе, просилъ сераскериать о разрѣшеніи ему отступить къ Балканамъ или въ крайнемъ случаѣ, о возможно скорѣйшей присылкѣ сильныхъ подкрѣпленій.

Въ первомъ ему безусловно было отказано, а для отправки подкрѣпленія приступили къ организаціи новой арміи у Софіи; кромѣ того около города Орханіэ былъ устроенъ складъ запасовъ для доставки ихъ плевненскому гарнизону.

Это была эпоха, названная Плевненскимъ сидѣніемъ и названа далеко несправедливо, ибо ни турки ни русскіе не сидѣли сложа руки. Бомбандировка Плевны и канонада турокъ продолжалась изо дня въ день, зачастую почти на пролетъ, а сколько отчаянныхъ атакъ произведено было съ обѣихъ сторонъ, сколько тысячъ героевъ извѣстныхъ и темныхъ пало въ эти дни сидѣнія.

Какъ ужасны потерями своими и грандіозны подвигами были, напримѣръ, незабвенные дни отъ 26-го августа по 1 сентября, семь дней такъ называемой „третьей Плевны“, въ особенности дни 30 и 31 августа, когда генералъ Скобелевъ занялъ два турецкихъ редута и затѣмъ выдержалъ пять турецкихъ атакъ.

Генералъ Скобелевъ лично велъ наступленіе отряда и все время находился впереди, вмѣстѣ съ цѣнью, на своей бѣлой лошади. Надо замѣтить, что этотъ генералъ иначе не вступалъ въ сраженіе, какъ только на бѣлой лошади и самъ весь одѣтый въ бѣлое, въ бѣломъ кителѣ и въ бѣлой фуражкѣ. Въ два мѣсяца подъ нимъ было уже убито пять лошадей, но самъ онъ, какъ бы играя опасностью и вызывая ее на себя, ко всеобщему удивленію оставался цѣлъ и невредимъ, такъ что

между солдатами пріобрѣлъ себѣ легендарную репутацію: солдаты были убѣждены, что онъ „заколдованъ“ и „заговоренъ отъ пуль“, и смотрѣли на него, какъ на существо сверхъ-естественное, а офицеры, видя его постоянно впереди, пренебрегающаго всѣми опасностями и въ то же время ласковаго, спокойнаго, простого въ обхожденіи со всѣми, питали къ нему безграничную любовь и довѣріе. Даже сами турки знали Скобелева и по рассказамъ плѣнныхъ называли его „Акъ-пашею“ (бѣлымъ генераломъ). „Да, мы знаемъ его“, говорили они, „и когда мы видимъ его впереди, тогда нашимъ худо приходится, тогда мы грязи наѣдаемся“ (т. е. несемъ срамъ пораженія), и прибавляли съ фаталистическимъ вздохомъ: „Иншалахъ... Иншалахъ“... (т. е. Божья воля,—такъ Богу угодно).

30-го августа отрядъ его, говоритъ В. Крестовскій, къ 6 час. вечера взялъ послѣдовательно одинъ за другимъ два турецкіе редута, при чемъ Скобелевъ каждый разъ самъ водилъ въ атаку свои штурмовыя колонны, какъ на парадъ, съ музыкой и развернутыми знаменами и первымъ вскочилъ на брустверъ одного изъ редутовъ. Турки нѣсколько разъ пытались выбить насъ изъ этихъ укрѣпленій, но наши войска отбрасывали ихъ каждый разъ съ большимъ урономъ. Къ ночи въ одинъ изъ этихъ редутовъ были втащены три нашихъ орудій; въ каждый редутъ генераль Скобелевъ назначилъ особыхъ комендантовъ изъ штабъ-офицеровъ, бравшихъ эти редуты. Потери, попесенныя

отрядомъ Скобелева при штурмѣ, простирались до 1500 человекъ выбывшими изъ строя, при чемъ палъ начальникъ 3-ей стр. бригады, храбрый генераль-маіоръ Добровольскій.

На разсвѣтъ 31-го августа положеніе Скобелева выяснилось. Оба редута были открыты съ горки и соединены между собою длинной траншеей, которая была прокопана по самому гребню высоты.

Положеніе защитниковъ этихъ укрѣпленій явилось тѣмъ затруднительнѣе, что оба редута внутри, а равно и траншея на всемъ ея протяженіи отлично обстрѣливались картечными гранатами съ Кришискаго редута, еще не взятаго нами. Но затрудненія не ограничивались только этимъ. Свѣтъ утренней зари показалъ защитникамъ, что они находятся не далѣе какъ въ полтораста саженьяхъ отъ городскихъ садовъ и предмѣстья Плевны; эти сады были заняты теперь стрѣлками противника, который по флангамъ еще выставилъ батареи.

И вотъ на утро непріятель сосредоточилъ весь свой огонь на Скобелевскомъ отрядѣ, а обстрѣлявъ его двинулся фронтальной атакой. Первая атака была храбро отражена владимірцами и суздальцами, но отрядъ слабѣлъ и нуждался въ подкрѣпленіяхъ, въ которыхъ ему впередъ было отказано генераломъ Зотовымъ, — только генераль Крыловъ, рѣшивъ взять отвѣтственность на себя, прислалъ на помощь Шуйскій полкъ. Въ то же время Скобелеву было приказано держаться до вечера, когда и начать медленное отступленіе.

Между тѣмъ турки ударили на него новой атакой съ удвоенными силами и снова были отброшены. За второй атакой послѣдовала третья и каждый разъ все съ большими и большими силами. Во время этой послѣдней въ правомъ изъ занятыхъ нами редутовъ былъ взорванъ турецкою гранатою нашъ зарядный ящикъ. Огнемъ двухъ орудій изъ числа четырехъ, управлялъ капитанъ А. Н. Куропаткинъ *). Взрывъ произошелъ около него, почти рядомъ.

Все люди, стоявшіе у ящика, и въ томъ числѣ батареинный командиръ полковникъ Рушковскій, взлетѣли на воздухъ, при страшномъ грохотѣ и трескѣ лопнувшихъ снарядовъ. Капитана Куропаткина тоже подхватило вмѣстѣ съ другими,—но къ счастью, только подбросило, слегка контузило и опалило ему голову. Нимало не смутясь этимъ ужаснымъ случаемъ, онъ едва лишь успѣлъ стать на ноги, какъ совершенно спокойно скомандовалъ „правое или!“ и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, свое дѣло.

У Скобелева еще съ ночи почти уже не было цѣльныхъ частей, даже въ резервѣ, а имѣлись только сборныя команды изъ остатковъ людей его отряда, сформированныя тутъ же на мѣстѣ. Вслѣдъ за третьей атакой, турки повели и чет-

*) Нынѣ нашъ блестящій военный министръ, тогда только что прибывшій изъ Туркестана, гдѣ онъ еще до академіи, въ Хивинскомъ а постѣ въ Кокандскомъ походѣ зарекомендовалъ себя высокоталантливымъ военачальникомъ, поразительнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ въ бою.

вертую, противъ лѣваго фланга. Наши подпустили ихъ на разстояніе вѣрнаго ружейнаго выстрѣла (500—600 шаговъ) и встрѣтили какъ стрѣлковымъ огнемъ цѣпи, такъ и выстрѣлами хорошо маскированныхъ четырехъ орудій. Послѣ ожесточенной перестрѣлки, продолжавшейся три четверти часа, была наконецъ отбита и четвертая атака, а вслѣдъ затѣмъ значительно стихъ и ружейный и артиллерійскій огонь противника. Но эта относительная тишина вовсе не радовала Скобелева. Чтобы лично убѣдиться въ сосредоточеніи непріятельскихъ войскъ, онъ въ половинѣ четвертаго часа дня, самъ отправился въ редуты, которые въ это время представляли уже страшную картину. Массы труповъ нашихъ и турецкихъ лежали грудами; особенно же была переполнена ими внутренность редутовъ. Въ глубокой траншеѣ, связующей эти укрѣпленія, продолжные непріятельскіе выстрѣлы производили страшное опустошеніе, поражая сразу десятки людей. Защитники траншей стояли одиночками среди грудъ убитыхъ и умирающихъ.

На редутѣ, ближайшемъ къ Плевнѣ, часть бруствера, обращеннаго къ городу, была вся сложена изъ труповъ, а на другомъ редутѣ три наши орудія были совершенно исковерканы, прислуга же и лошади всѣ перебиты. Стоявшее рядомъ турецкое орудіе, взятое нами въ этомъ же редутѣ, оказалось тоже подбитымъ. Скобелевъ приказалъ выпутъ изъ него кольца, на случай, если оно попадется въ руки турокъ. Именемъ Главнокомандую-

щаго, онъ горячо благодарилъ защитниковъ редутовъ маіора Горталова, подполковника Мосцеваго и людей за ихъ геройскую стойкость. Изъ праваго редута можно было видѣть даже простымъ глазомъ, какъ со всѣхъ линій собираются турецкія войска въ лагерь, расположенный между городомъ и восточными укрѣпленіями. Тамъ они строились въ большія массы.

Подкрѣпивъ редуты нѣсколькими сотнями людей, съ трудомъ собранныхъ чуть не по одиночкѣ изъ остатковъ разныхъ полковъ, благодаря неутомимой энергіи Куропаткина, — Скобелевъ спокойно сталъ ожидать пятой атаки, но уже не вѣря въ возможность отбить ее,

И вотъ, уже въ исходѣ пятаго часа дня, противъ него показались новыя массы турокъ. Впереди ихъ развернулось большое зеленое знамя, долженствовавшее замѣнять собою „священное знамя пророка“. И громко раздалось религіозное пѣніе стиховъ: „Алла Аллага иль Алла“. Религіозный гимнъ былъ подхваченъ всѣмъ фронтомъ турокъ и подъ его звуки они въ пятый разъ стремительно обрушились на отрядъ Скобелева, ежеминутно между тѣмъ слабѣвшій въ числѣ отъ множества убитыхъ и раненыхъ. Есть невозможное и для героевъ. Цѣлыя тридцать часовъ отрядъ Скобелева не выходилъ изъ непрерывнаго боя; по овладѣніи же редутами, цѣлыя сутки держался въ нихъ, въ надеждѣ, что авось-либо пришлютъ подкрѣпленіе, авось-либо не пропадутъ даромъ всѣ эти нечеловѣче-

М. II. Драгомировъ.

скія усилія и самопожертвованіе. Таково было общее убѣжденіе въ редутахъ. Не говоря уже о предшествовавшихъ дняхъ, этотъ отрядъ, ослабленный значительными потерями, измученный перенесенными трудами и лишеніями, голодный и измокшій подъ холоднымъ дождемъ, всю ночь на пролетъ поддерживалъ оживленную перестрѣлку съ непріятелемъ, въ ежеминутномъ напряженномъ ожиданіи ночного нападенія и наконецъ сегодня эти пять ужасныхъ отчаянныхъ атакъ, одна вслѣдъ за другой, почти безъ промежутка, безъ малѣйшей передышки, подъ массою самаго адскаго огня, подъ непрерывнымъ градомъ пуль, отъ которыхъ цѣлыми десятками ежеминутно валялись повсюду наши люди, — было наконецъ отъ чего и сломиться передъ столь неистовымъ и настойчивымъ напоромъ. Для отраженія послѣдней атаки уже не хватило силъ. Видя, что люди отдѣльными кучками все болѣе и болѣе начинаютъ уходить изъ лѣваго редута и убѣдясь въ окончательной невозможности удержаться съ этими горстями противъ столькихъ массъ непріятеля, наступавшаго густыми колоннами въ нѣсколько линій, Скобелевъ послалъ въ оба редута приказаніе отступать и для прикрытія этого отступленія самъ лично повелъ впередъ батарею и Шуйскій полкъ, который и былъ развернуть имъ въ боевую линію подъ жестокимъ перекрестнымъ огнемъ съ фронта и съ лѣваго фланга. Суздальскаго полка подполковникъ Мосцевой, котораго Скобелевъ назначилъ комендантомъ

праваго редута (Реджи-бей-Табіе), отбилъ всѣ нять атакъ, направленныхъ на его укрѣпленіе и, окруженный турками, продолжалъ еще держаться въ немъ и тогда, когда мы вынуждены были отступить по всей линіи. Самъ генералъ Скобелевъ, какъ говорятъ, долженъ былъ наконецъ лично подѣхатъ на ближайшее разстояніе къ этому редуту и показать его защитникамъ знаками, а также и крикнуть при этомъ во весь голосъ приказаніе очистить редутъ, и только послѣ этого подполковникъ Мосцовой вышелъ оттуда съ горстью своихъ подвижниковъ, проложивъ себѣ обратный путь штыками. Но не менѣе замѣчательенъ и еще одинъ подвигъ, совершенный Владимірскаго полка майоромъ Горталовымъ, который былъ назначенъ комендантомъ лѣваго редута (Абдуль-бей-Табіе. При назначеніи на этотъ постъ, Горталовъ далъ генералу Скобелеву слово, что пока живъ—онъ не сдастъ противнику ввѣренное ему укрѣпленіе. И дѣйствительно, при послѣдней атакѣ, по полученіи приказанія отступить, Горталовъ пропустилъ мимо себя всю сборную часть, защищавшую редутъ, поручилъ ее штабсъ-капитану Абадзіеву, послалъ вслѣдъ уходившимъ людямъ свое благословеніе, перекрестился самъ и спокойно взошелъ на брустверъ, фронтъ котораго былъ обращенъ къ атакующему непріятелю. Этотъ человекъ остался теперь среди мертвыхъ и умирающихъ единственнымъ защитникомъ ввѣреннаго ему поста, онъ твердо держалъ данное имъ слово. Безъ шапки,

скрестивъ на груди руки, изъ которыхъ въ правой была опущенная сабля, сталъ онъ твердою ногой на наружномъ краѣ бруствера и ожидалъ урокъ, или смерти, что въ данномъ случаѣ было одно и тоже. Не прошло и минуты, какъ онъ былъ поднятъ штыками непріятельскихъ солдатъ и разорванъ ими на части. Слово было сдержано. Георгіевскій крестъ, присланный ему въ награду за подвиги, совершенные еще въ предшествовающіе дни и наканунѣ, не засталъ уже въ живыхъ Горталова. Но это имя, безъ сомнѣнія, будетъ на вѣки записано въ исторіи Владимірскаго полка, да не должно быть забыто и всей Россіей.

Въ шестомъ часу утра оба редута были уже во власти турокъ.

Въ эти два дня у одного только Скобелева было изъ строя 96 офицеровъ и 7192 нижнихъ чиновъ. Миръ вашему праху, герои. Пухомъ земля вамъ.

На другой день, именно, и рѣшено было ждать гвардію и гренадерскій корпусъ и подъ Плевной потянулось опять время осады, время отъ времени прерываемое стычками.

Въ это время Мехмету Али приказано было энергично наступать на рущукскій отрядъ, чтобы отвлечь главныя силы русскихъ отъ Плевны. Но опять таки предпріятіе турокъ не увѣчалось успѣхомъ, благодаря несогласіямъ между начальниками: Сулейманъ-паша отказался послать часть своихъ войскъ въ подкрѣпленіе Мехмету-Али, а этотъ по-

слѣдній не умѣлъ водворить въ своемъ отрядѣ должной дисциплины и позволялъ солдатамъ своевольничать. Слѣдствіемъ всего этого были вялыя и нерѣшительныя дѣйствія непріятеля,—начатое въ первыхъ числахъ сентября наступленіе восточной турецкой арміи остановилось на правомъ берегу Баницкаго Лома въ недалекомъ разстояніи отъ русскихъ позицій; попытка Сулеймана около того же времени овладѣть Шинкинскимъ переваломъ опять окончилась неудачей. Пользуясь бездѣятельностью Мехмета-Али, Цесаревичъ успѣлъ выждать высланную ему въ подкрѣпленіе 26-ю пѣхотную дивизію и усилилъ нѣкоторые пункты своихъ позицій. Когда же произведенная турками 9-го сентября атака на отрядъ генерала Татищева, стоявшій у Чаиркіоя, была отражена, Мехметъ-Али отчаялся въ успѣшномъ окончаніи своего предпріятія и отвелъ войска обратно за Кара-Ломъ. Вскорѣ онъ былъ замѣненъ Сулейманомъ, отъ котораго турецкое правительство ожидало болѣе рѣшительныхъ дѣйствій.

Во второй половинѣ сентября къ Плевнѣ стали подходить отдѣльныя части гвардейскаго корпуса, направлявшіяся на софійское шоссе, которое служило нитью сообщенія между Османомъ и войсками у Софіи и Орханіэ, а 12—15 октября пали Горній Дубнякъ и Телишъ, а 20-го Дольній Дубнякъ, все благодаря нашимъ гвардейцамъ, доказавшимъ, что вѣковыя традиціи Государевой гвардіи свято сохранились ими. Въ эти дни, въ рядѣ сраженій

съ турками, подъ Плевной, отличился Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ, за что и награжденъ былъ орденомъ Св. Великомученика Георгія 4-ой степени. Теперь Плевна была окончательно окружена русскими войсками.

Между тѣмъ Сулейманъ, вопреки возлагавшимся на него надеждамъ, не выказывалъ намѣренія приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и подъ разными предлогами отказывался отъ продолженія наступательныхъ дѣйствій, къ намъ же въ это время все продолжали прибывать подкрѣпленія и въ теченіе семи недѣль послѣ штурма Плевны превосходство силъ опять перешло на нашу сторону. Въ это время получены были извѣстія о формированіи у Софіи, Орханіэ и Глатицы новой турецкой арміи, которая должна была отправиться на помощь Осману. Чтобы помѣшать ея наступленію въ главной квартирѣ рѣшили отправить противъ нея отрядъ изъ стоявшихъ подъ Плевной и горѣвшихъ желаніемъ помѣряться съ врагомъ войскъ. Отрядъ этотъ, состоявшій изъ 37000 человекъ, выступилъ 2 и 3 ноябрю и двинулся подъ начальствомъ генерала Гурко по направленію къ Орханіэ. Въ это-же время сербскому правительству было послано предложеніе возобновить военныя дѣйствія и, лишь только генералъ Гурко перейдетъ Балканы, отправить свои войска къ Софіи. Между тѣмъ этотъ отрядъ Гурко, названный западнымъ, дѣйствовалъ очень успѣшно; послѣ ряда сраженій

подъ Правецомъ, Этрополемъ и Орханіѳъ гдѣ отличалась наша гвардія рука объ руку съ арміей, къ вечеру 20 ноябрю онъ уже прочно занималъ горныя позиціи у софійскаго шоссе и до Златицкаго перевала. Генералъ Гурко хотѣлъ было продолжать наступленіе, но былъ остановленъ приказомъ главнокомандующаго, со дня на день ожидавшаго окончанія дѣйствій подъ Плевной. Тѣмъ временемъ Сулейманъ-паша рѣшился наконецъ возобновить наступательное движеніе противъ восточнаго фланга нашихъ войскъ, слѣдствіемъ чего явилось нѣсколько стычекъ: 14 ноябрю произошло сраженіе у Мечки, окончившееся полной неудачей для турокъ, а 22-го другая часть ихъ войскъ, послѣ долгихъ тщетныхъ усилій, овладѣла наконецъ городомъ Еленой. Несмотря на то, что турки, укрѣпившись въ Златарицѣ, вполне удовольствовались этимъ и не думали продолжать наступленія, въ нашей главной квартирѣ, замѣчая въ этомъ значительную для насъ опасность, рѣшили выбить непріятеля изъ занятаго имъ города, что и было поручено генералу Малахову. 24-го ноябрю городъ былъ взятъ. Вслѣдъ за этимъ вторичное сраженіе, завязанное турками съ нашими войсками у Мечки и Тростеника, окончилось полнымъ пораженіемъ непріятеля.

Но всѣ эти побѣды и успѣхи русскаго оружія стушевались при радостномъ извѣстіи, что Плевна пала,—что наступило „начало конца“ нашей войны съ Турціей.

Н. С. Ганецкій.

27-го ноябрю турки вдругъ прекратили вечеромъ перестрѣлку, а прибѣжавшій перебѣжчикъ заявилъ, что турки уходятъ изъ Крипицкаго редута. Показаніе это подтвердилось и генералъ Ганецкій, командовавшій гренадерскимъ корпусомъ, отдалъ приказъ быть на готовѣ, а ночью выяснилось, что Османъ-паша хочетъ черезъ рѣку Видъ пробиться на Виддинъ. Такимъ образомъ встрѣтить его и побѣдить выпала на долю нашихъ Московскихъ гренадеръ. На разсвѣтѣ переправа турокъ черезъ два моста началась. Какъ только генералъ Ганецкій узналъ объ этомъ, говоритъ В. Крестовскій, тотчасъ-же, какъ бѣлая игла, взвилась въ небо сигнальная ракета и по всему длинному и широкому пространству нашей тыловой позиціи барабаны зарокотали тревогу; какъ на простыхъ мирныхъ маневрахъ, спѣшно, но безъ малѣйшей суеты, становились гренадеры въ ружье и строились по ротнo, въ шеренги на линейкахъ передъ шаламами: фельдфебели и ротные повѣряли своихъ людей и сводили ихъ въ батальоны. Не прошло и десяти минутъ, какъ все уже стояло на своихъ мѣстахъ, сплотившись въ столь-же стройныя, сколько и грозныя колонны.

Но генералъ Ганецкій не сталъ дожидаться пока соберутся и построются его батальоны: пяти минутъ не минуло еще съ того момента, какъ зашипѣла ракета и еще барабаны продолжали гремѣть по линіи, перенимая одинъ отъ другого энергически быстрый бой „тревоги“, а онъ, вскочивъ на коня,

уже мчался въ карьеръ къ передовымъ траншеямъ, расположеннымъ въ разстояніи около трехъ верстъ отъ моста и занятымъ въ этотъ день, по очереди, Кіевскимъ и Сибирскимъ гренадерскими полками. Между тѣмъ свиты Его Величества генераль-маіоръ М. П. Даниловъ *), командующій 3-ю гренадерскою дивизіею, еще при первыхъ артиллерійскихъ выстрѣлахъ противника, приказалъ Малороссійскому гренадерскому полку двигаться къ урочищу Копанамогила, а второй бригадѣ своей дивизіи послалъ сказать, чтобы шла скорѣй на позицію изъ Горнаго Метрополя, вмѣстѣ съ 4-хъ фунтовыми батареями; затѣмъ, давая время отступить нашей аванпостной цѣпи, онъ приказалъ открыть отвѣтныи огонь съ позиціонной батареи № 3-го.

Турки бѣгомъ выстраивали свою боевую линію на обширной Завидской равнинѣ, не подумавъ даже о необходимости обстрѣлять предварительно артиллерійскимъ огнемъ нашу укрѣпленную позицію. Наступательное движеніе противника направлялось противъ окоповъ 3-ей гренадерской дивизіи. Надо отдать туркамъ полную справедливость: если наши гренадеры приготавлились къ бою въ тревогѣ, какъ на маневрахъ, то и турки, тоже какъ на маневрахъ вели на нихъ безъ выстрѣла свою стремительную атаку. Нужды нѣтъ, что изъ нашихъ траншей осыпали ихъ пулями, что губительныя шрапнели цѣлыми десятками рвались надъ ихъ голо-

*) Нынѣ благополучно здравствующій помощникъ командующаго войсками Московскаго округа.

вами—они шли со склоненными штыками молча и только старались учащать быстрый темп своего шага. Какъ видно практика сильныхъ ощущеній нашего артиллерійскаго огня, которымъ угощали мы ихъ непрерывно въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, не прошла для нихъ даромъ: они вполнѣ пріучились и къ пулямъ, и къ гранатамъ, и шли теперь на насъ, какъ одно изъ самыхъ боевыхъ, самыхъ закаленныхъ войскъ въ мірѣ. Атаку велъ самъ Османъ-паша, красовавшійся передъ своими войсками на прекрасномъ рыжемъ жеребцѣ, который былъ присланъ ему въ подарокъ отъ султана. Едва прошли какія нибудь три четверти часа, какъ турки были уже передъ нашими траншеями, и только тутъ ихъ цѣнь открыла на ходу сильнѣйшій огонь. Съ одушевленными криками „алла“ кинулись они въ штыки на окопы и въ промежутки ложементовъ, гдѣ въ одно мгновеніе смѣшались съ сибирцами. Большая часть нашихъ людей погибла въ штыковомъ бою. Овладевъ траншеею, турки бросились на нашу позиціонную земляную батарею № 3-ій. Большая часть прислуги была переколота. Долѣе прочихъ оборонялся артиллеристъ Карабановъ, который билъ враговъ своимъ башикомъ, и уложивъ нѣсколько человѣкъ, вышелъ невредимо изъ неравной схватки. Два орудія прислуга успѣла увезти, а отъ остальныхъ унесла заборы. 3 батарея 3-й гренадерской артиллерійской бригады, которая занимала окопъ № 4-ый, непріятель угрожалъ обходомъ съ праваго фланга; она

старалась удержаться, пока лишь была къ тому малѣйшая возможность, отстрѣливаясь картечью; но за значительной убылью прислуги, вынуждена была наконецъ сняться, причемъ увезено только шесть орудій, такъ какъ подъ остальными двумя были перебиты всѣ лошади. Батарейный командиръ, полковникъ Квантенъ, при этомъ былъ тяжело раненъ.

Въ нѣсколько минутъ непріятель достигъ второго ряда нашихъ траншей. Но здѣсь подоспѣлъ Малороссійскій графа Румянцева - Задунайскаго полкъ, который, двинувшись въ промежутокъ окоповъ № 3-го и 4-го, поддержалъ сибирцевъ, и тогда началось горячее стрѣлковое дѣло. Малороссійцы задержали пока дальнѣйшее наступленіе турокъ, но и сами понесли при этомъ большія потери. Достаточно сказать, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ у нихъ изъ строя выбыли три батальонныхъ и половина ротныхъ командировъ. Предвидя, что турки, притянувъ къ себѣ подкрѣпленія, могутъ возобновить атаку, генералъ Даниловъ послалъ 2-й бригадѣ своей дивизіи приказаніе спѣшить на помощь вмѣстѣ съ ея артиллерією. Генералъ Ганецкій прибылъ къ кургану Копана-могила, когда сибирцы и малороссійцы изнемогали отъ усилій удержаться на позиціи. Желая какъ можно скорѣе притянуть сюда свѣжія силы, онъ поѣхалъ на встрѣчу приближавшимся астраханцамъ и, поздоровавшись съ людьми, обратился къ нимъ со словами:—Братцы. Восемь нашихъ орудій въ рукахъ турокъ. Я требую,

чтобы пушки были отняты обратно. — Отнимемъ Ваше превосходительство. Громко отвѣтили ему гренадеры.

— Отнимите, братцы. Но то вы и астраханцы. Помните, чье имя вы носите. Эти слова произвели свое впечатлѣніе. Астраханскій Наслѣдника Цесаревича полкъ быстрымъ бойкимъ шагомъ и въ образцовой стройности двинулся впередъ, имѣя во главѣ своего командира полковника Крюкова и генерала Квитницкаго. Непосредственно за астраханцами, но нѣсколько правѣ ихъ, шелъ фангорійскій гренадерскій полкъ, также встрѣченный привѣтствіемъ своего корпуснаго командира.

Турки между тѣмъ ломали на нашъ лѣвый флангъ, пока не наткнулись на 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи, расположенную въ ложементaxъ. Полки этой бригады Архангелогородскій и Вологодскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рыкачева, неожиданно встрѣтили противника изъ-за окоповъ такимъ огнемъ, что турки сразу оставили всякія дальнѣйшія покушенія противъ лѣваго фланга, но зато всѣ свои усилія сосредоточили противъ центра нашей позиціи.

Раненые у насъ все прибывали и прибывали: на носилкахъ, пѣшкомъ и ползкомъ тащились они кое-какъ къ перевязочному пункту, но не раздавалось въ средѣ ихъ ни громкаго стога, ни разговора. Всѣ они, отъ старшихъ офицеровъ до послѣдняго солдата, сознавали, что на этомъ полѣ идетъ теперь рѣшительное дѣло объ участи цѣлой

войны, а тутъ уже не до личныхъ страданій того или другого...

Въ половинѣ одиннадцатаго часа впереди того мѣста, гдѣ стоялъ Ганецкій, вдругъ раздалось дружное „Ура“. То была атака астраханцевъ и фанаторійцевъ. Оба полка, вспомнивъ боевую сноровку своихъ доблестныхъ дѣдовъ, дружнымъ ударомъ въ штыки „на ура“ наскочили на противника, поддерживавъ изнемогавшихъ въ продолжительномъ и неравномъ бою сибирцевъ и малороссійцевъ. Вышвырнувъ изъ траншей турокъ, они отбили у нихъ захваченныя русскія пушки. Но мало того, здѣсь же были взяты съ боя и семь турецкихъ орудій, вмѣстѣ съ ящиками, между которыми нашлись и наши русскіе (5-й артиллерійской бригады), захваченные подъ Плевною въ несчастливомъ для насъ дѣлѣ 8-го іюля, а рядовой Астраханскаго полка Егоръ Ждановъ, положивъ на мѣстѣ трехъ турокъ, съ боя взялъ турецкое знамя. Въ это время подоспѣлъ 7-й гренадерскій Самогитскій полкъ съ двумя батареями.

Самогитцы бросились въ траншеи, выбили изъ нихъ врага и захватили три пушки.—Успѣхъ сраженія склонился на нашу сторону. Турки заколыхались. Въ это время подъ Османомъ-нашею была убита его рыжая лошадь и самъ онъ раненъ пулею въ лѣвую руку на вылетъ. Преувеличенная молвою вѣсть о ранѣ и (благодаря паденію коня) даже о смерти Османа быстро пронеслась по рядамъ арміи,—и тѣ же самые батальоны, которые

А. Н. Куропаткинъ.

полчаса назадъ съ такою отчаянною рѣшительностью лѣзли на наши окопы, а послѣ отбитаго штурма все еще осыпали насъ огнемъ съ совершенно открытаго поля—теперь, чуть лишь разнеслась между ними роковая вѣсть, шарахнулись назадъ, къ Виду, въ самомъ крайнемъ безпорядкѣ; наши гренадеры, съ барабаннымъ боемъ, тотчасъ же по всей линіи перешли въ общее наступленіе. Турки съ каждой минутой разстраивались все болѣе и болѣе, такъ что въ полдень вся плевненская армія бѣжала уже въ разбродъ отовсюду, сплошь наполнивъ собою все раздольное пространство открытаго и широкаго поля.

Началось преслѣдованіе. Тысячи турокъ погибли. Наконецъ, сквозь пороховой дымъ замѣченъ былъ бѣлый флагъ. На нашей сторонѣ Вида гремѣло могучее ура побѣды во славу русскаго Царя. Османъ сдался.

Благодаря взятію Плевны, непріятелю былъ нанесенъ страшнѣйшій ударъ,—онъ лишился своихъ лучшихъ силъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сосредоточивавшихъ на себѣ вниманіе главной части русскихъ войскъ.

За все это время въ отрядѣ генерала Радецкаго не происходило никакихъ значительныхъ событій; только 9-го ноября турки внезапно атаковали одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ нашей позиціи—гору Св. Николая у Шипкинскаго перевала, но съ урономъ были отбиты. Гораздо болѣе, чѣмъ отъ непріятеля, страдали наши войска, стоявшія на го-

рахъ, лѣтомъ отъ болѣзней и различныхъ лишеній, зимой отъ страшныхъ холодовъ и снѣжныхъ метелей. Въ Добруджѣ все оставалось въ прежнемъ положеніи; въ Черногоріи дѣла турокъ шли далеко не успѣшно.

Послѣ взятія Плевны освободилась стоявшая подъ ней огромная часть нашихъ войскъ, которая послѣдствовала теперь двинуться на поддержку передовыхъ отрядовъ. Помимо того сербы, воздерживавшіеся дотолѣ отъ военныхъ дѣйствій, получили возможность открыто подходить къ намъ, такъ что къ началу декабря общая численность нашихъ войскъ—русскихъ, румынскихъ, сербскихъ и черногорскихъ,—дѣйствовавшихъ противъ турокъ, простиралась уже до 450 тысячъ. Султанъ, узнавъ о паденіи Плевны, обратился къ англійскому правительству съ просьбой о посредничествѣ въ переговорахъ относительно заключенія перемирія; въ то же время правительство турецкое, рѣшило всѣми силами отстоять линію Балканскихъ горъ, надеясь, что русскіе будутъ уступчивѣе при открытіи переговоровъ, если имъ не удастся прорваться за эту линію. Самымъ главнымъ на театрѣ военныхъ дѣйствій былъ признанъ сераскеріатомъ районъ Софіи-Златица, куда и начали стягиваться войска Сулеймана. Передвиженіе турецкой арміи совершалось такъ поспѣшно, что къ половинѣ декабря передовые ихъ отряды прибыли уже въ Софію.

Между тѣмъ въ русской главной квартирѣ также обсуждали ходъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій.

О проектировавшемся прекращеніи военныхъ дѣйствій до весны теперь нечего было и думать,—такое воодушевленіе, такая жажда брани охватили всю армію; помимо того, скорѣйшаго рѣшенія дѣла требовало наступленіе суровой зимы, дѣлавшей почти невыносимымъ положеніе нашихъ войскъ на горахъ. Первымъ дѣломъ рѣшено было пробиться на южную сторону Балканъ, гдѣ климатическія условія были много благопріятнѣе и гдѣ при томъ надѣялись захватить обильные запасы продовольствія. Западный отрядъ, значительно усиленный, долженъ былъ первымъ выполнить эту операцію, за нимъ слѣдовалъ отрядъ генерала Радецкаго. Въ то же время ген. Гурко рѣшилъ незамѣтно обойти лѣвое крыло стоявшихъ противъ него войскъ Шакира-паши и тѣмъ поставить ихъ въ совершенно безвыходное положеніе. Обходное движеніе начато было 13 декабря, но закончилось лишь къ 18 числу, благодаря неимовернымъ трудностямъ, которыя долженъ былъ преодолевать отрядъ при движеніи по обледенѣлымъ или занесеннымъ снѣгомъ горамъ. Изможденные лошади падали, солдаты, обезсиленные, замерзающіе должны были на рукахъ втаскивать на перевалъ тяжелыя орудія, офицеры генералы, солдаты падали отъ усталости.

Князь А. В. Шаховской, описывая этотъ перевалъ 13 декабря, когда уже настала ночь, когда весь день сидѣвшій на конѣ генераль Гурко, завернувшись съ головой въ какой-то рыжій войлокъ,

заснулъ у костра, нарисовалъ въ высшей степени характерную сцену.

„Генералъ Нагловскій ни на минуту не смыкалъ глазъ. Онъ принималъ донесенія вмѣсто генерала Гурко, писалъ на нихъ отвѣты или же просто лежалъ глядя на огонь, видимо что-то передумывая, постоянно что-то соображая. Наконецъ усталость взяла свое и немногіе еще остававшіеся на площадкѣ ординарцы заснули какъ убитые у костровъ. Костры между тѣмъ догорали; пламя угасло вовсе, оставивъ лишь тлѣющіе красные куски выгорѣвшихъ полѣньевъ. Бѣлая яркая луна возшла высоко на небо. Становилось все морознѣе, холоднѣе. Какой-то солдатикъ, увидавъ съ дороги костеръ, завернулъ на нашъ почлегъ и, тихонько переступая черезъ спящія фигуры, присѣлъ у ногъ генерала Гурко къ огню; досталъ манерку, нагребъ въ нее снѣгу и сталъ растаивать снѣгъ на огнѣ, бросая въ манерку куски сухарей. Проснулся одинъ изъ ординарцевъ (авторъ разсказа) и увидавъ солдатика обратился къ нему.

— Дядя, а дядя, ты изъ подъ Плевны будешь?

— Съ подъ Плевны, отвѣчалъ солдатъ неохотно.

— Дядя, а гдѣ-же ты усѣлся-то? продолжалъ ординарецъ.

— Сухари варю.

— Вѣдь ты, дядя, у генерала на ногахъ сидишь.

Солдатъ повернулъ голову назадъ, поглядѣлъ на рыжій войлокъ, спрятавшій генерала Гурко, поглядѣлъ еще разъ и спокойно остался сидѣть, мѣшая воду съ сухарями кусочкомъ палки.

— Генералу холодно, — снова заговорилъ ординарецъ, — ты-бы пошелъ, дядя, дровецъ въ огонь положилъ, генерала-бы согрѣлъ.

Солдаты молчаливо встали съ мѣста, перешагнувъ черезъ двухъ спящихъ человѣкъ и минуты черезъ три появился снова съ охапкой прутьевъ въ рукахъ. Костеръ затрещалъ, вспыхнуло снова пламя на нѣсколько мгновений и густой дымъ поднялся столбомъ въ холодномъ воздухѣ. Къ солдату обратился генералъ Нагловскій:

— Тяжело было тащить орудія? — спросилъ онъ у солдата.

— Тяжело, ваше благородіе, — отвѣчалъ солдатъ, не зная, что говорить съ генераломъ.

— Теперь вамъ немного остается до перевала. Приналягте немножко.

— До-о-тащимъ, ваше благородіе, — и въ этомъ „дотащимъ“ было столько успокоительной увѣренности, что какъ будто въ успѣхѣ и сомнѣваться нельзя было.

И они „дотащили“...

Между тѣмъ Шакиръ-паша, замѣтивъ угрожающую ему опасность, незамѣтнымъ образомъ оставилъ свою позицію и направился къ югу на Петричевъ, подъ прикрытіемъ оставленнаго около деревни Ташкисенъ арьергарда. Тогда генералъ Гурко, направивъ часть своего отряда на преслѣдованіе Шакира, самъ обратился къ западу, такъ какъ, по полученнымъ имъ извѣстіямъ, отъ Софіи приближались значительныя турецкія силы и подъ

Горнымъ-Бугоровомъ, гдѣ поставленъ былъ отрядъ генерала Вельяминова, произошло ихъ столкнове-
ніе съ русскими. 23-го декабря Софія была уже
въ нашихъ рукахъ, а прогнанный изъ нея турец-
кія войска поспѣшно отступали къ югу; на другой
же день начались наши сношенія съ сербскими
войсками, подошедшими уже къ Сливницѣ. Преслѣ-
дованіе Шакира вскорѣ было, однако, пріостанов-
лено, такъ какъ наши отряды спустились съ горъ
налегкѣ и необходимо было выждать прибытія да-
леко отставшихъ обозовъ. Въ это время главноко-
мандующій, узнавъ о переходѣ западнаго отряда
черезъ горы, приказалъ генералу Радецкому дви-
нуться противъ арміи Весселя-паши, стоявшей къ
югу отъ Шипкинскаго перевала; для отвлеченія
вниманія непріятеля, командиръ 13-го корпуса,
генералъ Деллингсгаузенъ, долженъ былъ въ тоже
время произвести демонстрацію къ Ахмедли и
Твардицѣ; генералъ-же Карцевъ, стоявшій со сво-
имъ отрядомъ около Ловчи, получилъ предписаніе
двинуться на Трояновъ перевалъ. 28-го декабря
военныя дѣйствія наши противъ Весселя-паши за-
кончились взятіемъ въ плѣнъ всей его арміи, и
побѣда эта окончательно рѣшила исходъ войны.
Для скорѣйшаго окончанія ея главнокомандующій
положилъ, немедля ни минуты, идти на Андріано-
поль и сдѣлалъ соотвѣтствовавшія распоряженія
по всѣмъ русскимъ отрядамъ; однако, наступатель-
ное движеніе наше, несмотря на геройское вооду-
шевленіе войскъ, очень замедлилось ихъ крайнимъ

Графъ П. А. Шуваловъ.

утомленіемъ и плохимъ состояніемъ дорогъ, къ тому-же турки въ своемъ поспѣшномъ отступленіи успѣли уничтожить всѣ мосты черезъ Марицу. Серьезное сопротивленіе генераль Гурко встрѣтилъ лишь около Филиппополя, въ окрестностяхъ котораго 3, 4 и 5-го января происходили ожесточенные бои, но слѣдствіемъ боевъ этихъ явилось лишь то, что войска Сулеймана были отброшены съ прямого пути къ Андріанополю и отступили въ Родонскія горы, откуда остатки ихъ, по окончаніи войны были переправлены моремъ въ Константинополь.

Наконецъ, 8-го января 1878 года передовые наши отряды вступили въ Андріанополь, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, и оттуда сейчасъ-же были выдвинуты конныя части по направленію къ востоку и югу. Съ 14-го января къ городу стали подходить колонны генерала Гурко, а затѣмъ и Радецкаго и прибылъ самъ главнокомандующій. Въ то же время перешелъ въ наступленіе и руссукскій отрядъ, также не встрѣтившій почти никакого сопротивленія со стороны турокъ; 14-го января онъ занялъ Разградъ, а 15-го Османъ-Базаръ. Въ тотъ же день войска 14-го корпуса, дѣйствовавшія въ Добруджѣ, заняли Хаджи-Оглу-Базарджикъ, сильно укрѣпленный, но также очищенный турками городъ.

Между тѣмъ, турки еще со времени плѣненія Весселя-паша завязали съ нами дѣятельные переговоры о мирѣ, продолжавшіеся и въ Андріанополь, но сильно затянувшіеся вслѣдствіе вмѣшательства

Англии. Британское правительство, встревоженное быстрыми успѣхами русскаго оружія и опасаясь за цѣлость Турецкой имперіи, послало приказаніе стоявшей въ Безикской бухтѣ эскадрѣ адмирала Горибѣ, занять Дарданеллы, подъ предлогомъ охраненія англійскихъ подданныхъ и ихъ имуществъ и вмѣстѣ съ этимъ потребовало отъ парламента дополнительнаго кредита на вооруженіе. Въ отвѣтъ на непріязненное дѣйствіе англичанъ русское правительство поспѣшно сформировало четыре новыхъ резервныхъ дивизій, а передовыя наши войска двинулись на укрѣпленную линію Буюкъ-Чеклиджи-Деркосъ, преграждавшую путь къ Константинополю и отстоявшую отъ него лишь на 35 верстъ.

19-го января были наконецъ подписаны въ Андрианополѣ предварительныя условія мира и заключено предварительное перемиріе съ опредѣленіемъ демаркаціонныхъ линій для обѣихъ воюющихъ сторонъ, но вслѣдъ за этимъ возникли опять серьезныя осложненія—вслѣдствіе вмѣшательства иностранныхъ державъ. Основныя условія мира оказались несоотвѣтствовавшими чрезмѣрнымъ требованіямъ румынъ и сербовъ, а главное—возбудили опасенія Англии и Австріи. Британское правительство начало готовиться къ мобилизаціи части своей арміи, а 1-го февраля эскадра адмирала Горибѣ вошла въ Дарданеллы и стала на якорѣ у Принцевыхъ острововъ. Въ отвѣтъ на это русскія войска двинулись къ турецкой демаркаціонной линіи, а правительство русское объявило, что, въ виду

дѣйствій Англіи, предполагаетъ занять войсками Константинополь для охраны мѣстнаго христіанскаго населенія. Это сдѣлало англичанъ болѣе сговорчивыми и 4-го февраля состоялось соглашеніе, по которому адмиралъ Горибби долженъ былъ отойти со своей эскадрой на сто километровъ отъ Константинополя, а русскіе обязывались отступить за свою демаркаціонную линію. Въ началѣ февраля сданы были турками крѣпости: Рушукъ, Силистрія, Виддинъ и Бѣлградчикъ (послѣднія двѣ румынамъ). При всемъ томъ положеніе дѣлъ продолжало оставаться весьма сомнительнымъ. Подчиняясь требованіямъ нашего правительства, султанъ согласился на перенесеніе русской главной квартиры въ Санъ-Стефано, всего въ 10 верстахъ отъ Константинополя; турецкія войска отошли къ самой столицѣ, а русскія заняли ихъ прежнія позиціи на демаркаціонной линіи. Но въ тоже время Горибби со своей эскадрой опять подошелъ къ Принцевымъ островамъ и англійское правительство поспѣшило издать приказъ о мобилизаціи цѣлаго корпуса войскъ, направлявшагося на островъ Мальту, куда была послана и часть англійской эскадры изъ Ла-Манша. Въ отвѣтъ на это 17-го февраля послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированіи новыхъ четырехъ резервныхъ дивизій.

Наконецъ 19-го февраля 1878 года въ Санъ-Стефано былъ подписанъ прелиминарный мирный договоръ...

Однако, прежде чѣмъ приступать къ описанію

событій, предшествовавшихъ окончательному заключенію мира, мы упомянемъ о подвигахъ русскихъ воиновъ на азіатскомъ театрѣ войны.

Русскія войска, находившіяся въ началѣ апрѣля 1878 года на границахъ Азіатской Турціи, были расположены слѣдующимъ образомъ: подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова состояли главныя силы наши, свыше 48 тысячъ человекъ, раздѣленныхъ на три отряда. Самый сильный изъ нихъ (до 30-ти тысячъ) стоялъ у Александрополя, ахалцыхскій отрядъ генераль-лейтенанта Девеля у Алхалкалакъ и эриванскій, генераль лейтенанта Тергукасова, — у Игдыря. Кромѣ того, особый кобuletскій отрядъ генераль-майора Оклобжіо находился у Озургеть, имѣя незначительные посты по Черноморскому побережью.

Съ другой стороны, турецкій главнокомандующій малоазіатскими силами имѣлъ въ своемъ распоряженіи ко времени объявленія войны не больше 25—30 тысячъ, въ томъ числѣ и гарнизоны крѣпостей; но сверхъ того почти столько же турецкихъ войскъ стояло въ Батумѣ подъ начальствомъ Дервиша-паши.

1-го апрѣля началось и на Кавказѣ наступательное движеніе всѣхъ русскихъ отрядовъ. Главныя силы наши медленно подвигались по направленію къ Карсу и 16-го апрѣля заняли позиціи у Енгичея, откуда турки ушли еще наканунѣ въ числѣ 7 батальоновъ, подъ начальствомъ Мухтара. Поспѣшно отступая предъ посланными на развѣдки русскими конными отрядами они успѣли уйти за Саганлугскій горный хребетъ.

Между тѣмъ генералъ Девель подошелъ къ Ардагану, который оказался столь хорошо укрѣпленнымъ, что безъ значительнаго подкрѣпленія нечего было и думать овладѣть имъ, и поэтому для содѣйствія Девелю была отдѣлена часть главныхъ силъ подъ начальствомъ генерала Геймана. 5-го мая Ардаганъ былъ взятъ и тамъ оставленъ былъ отрядъ полковника Комарова, обязанный препятствовать прямому сообщенію Батума съ Карсомъ. Тѣмъ временемъ кобулетскій отрядъ, подвигаясь отъ Озургеть къ Батуму, 14-го апрѣля занялъ высоты Муха-Эстать, а 29-го высоты Хуцубани.

Положеніе Мухтара-паши стало далеко незавиднымъ: подъ его непосредственнымъ начальствомъ состояло лишь 12½ тысячъ, разбросанныхъ у Зевина и въ Алашкертской долинѣ и составлявшихъ единственное прикрытіе важнѣйшей турецкой крѣпости, Эрзерума. Но въ концѣ мая, благодаря безпрерывно подходившимъ къ нему подкрѣпленіямъ, силы его значительно возрасли, и на линіи Ольты-Зевинъ-Делибаба было уже расположено до 30-ти тыс. человѣкъ.

Съ русской стороны послѣ взятія Ардагана, главные силы сосредоточились къ 12-му мая на сѣверо-восточной сторонѣ Карса. Для обложенія блокадой крѣпости, въ ожиданіи прибытія осадной артиллеріи, а также въ виду упорныхъ слуховъ о наступленіи Мухтара, войска наши были раздѣлены на два отряда. Одинъ изъ нихъ подъ начальствомъ Девеля оставался подлѣ Карса, другой, ввѣренный

Гейману, долженъ былъ двинуться на Саганлугъ, чтобы помѣшать наступленію Мухтара и по возможности разбить его и тѣмъ оказать значительную помощь Тергукасову, наступавшему по Алашкертской долинѣ и находившемуся въ совершенно изолированномъ положеніи. Отрядъ его, какъ и оба другіе, перешелъ 12-го апрѣля границу,—а 17-го числа былъ уже около Баязета, турецкій гарнизонъ котораго при видѣ нашихъ войскъ оставилъ крѣпость и безъ всякаго сопротивленія отступилъ къ Вану; вслѣдъ за тѣмъ былъ занятъ Сурпъ-Оганесъ.

Но ходъ событій подъ Ардаганомъ и Карсомъ не позволялъ Тергукасову дѣйствовать рѣшительно, и его эриванскій отрядъ вплоть до 22-го мая вынужденъ былъ оставаться въ выжидательномъ положеніи, что дало возможность начальнику ванскаго гарнизона, Фаику-пашѣ, собрать значительное ополченіе и подготовиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Наконецъ 22-го мая Тергукасовъ получилъ приказаніе отъ Лорисъ-Меликова двинуться впередъ по Алашкертской дорогѣ и отвлечь на себя вниманіе Мухтара-паши. Отрядъ немедленно же направился въ указанномъ направленіи и 29-го мая занялъ непріятельскую крѣпость Зейдекэиъ. Но затѣмъ Тергукасовъ, лишившійся значительной части своихъ силъ, оставленныхъ на сообщеніяхъ, сталъ подвергаться серьезной опасности съ тыла.—Фаикъ паша перешелъ въ энергичное наступленіе и ко 2-му іюня былъ уже вблизи Баязета; Мухтаръ-паша,

со своей стороны, несмотря на пораженіе своего праваго крыла на Драмъ-Дагѣ, 4 іюня, значительно превосходилъ силами эриванскій отрядъ, тѣмъ болѣе, что могъ сосредоточить противъ него почти все свое войско, не угрожаемый еще въ то время съ фронта. Между тѣмъ Фанкъ уже съ 6-го іюня осадилъ Баязетскую крѣпость, занятую малочисленнымъ русскимъ гарнизономъ; но къ счастью онъ не догадался вторгнуться въ Эриванскую губернію, гдѣ оставлены были всего двѣ роты.

Гарнизонъ Баязета, состоявшій всего изъ 1600 человѣкъ, благодаря удивительному мужеству его командира маіора Штоквича, страдая отъ голода и жажды, втеченіе 20 дней выдерживалъ осаду 25000 турокъ, потерявъ убитыми и ранеными 10 офицеровъ и 276 нижнихъ чиновъ. За эту героическую защиту Баязета маіоръ Штоквичъ получилъ орденъ св. Георгія.

Тергукасовъ, послѣ побѣды 4-го іюня занялъ мѣстечко Даяръ, и 9-го числа успѣшно отразилъ здѣсь атаку главныхъ силъ Мухтара. Послѣдній собирался было вторично атаковать храбро державшійся русскій отрядъ, но, получивъ извѣстіе о успѣшномъ наступленіи нашихъ войскъ отъ Карса къ Саганлугу, отошелъ къ Делибабѣ и воздерживался отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Тергукасовъ также отступилъ къ Драмъ-дагу и рѣшился тамъ выждать развитія операцій отряда Геймана.

Въ скоромъ времени дѣла наши приняли далеко неблагопріятный оборотъ: происшедшее 9-го іюня

сраженіе при Зевинѣ окончилось пораженіемъ русскихъ войскъ и надолго измѣнило общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны, давъ другой характеръ всему ходу компаніи.

Приближеніе Мухтара съ весьма значительными силами, состоявшими изъ 35 батальоновъ, 2-хъ тысячъ конницы и 32 орудій, принудило Лорисъ-Меликова прекратить осаду Карса и отойти къ Енги-Кею. Мухтаръ-паша отрядилъ 12 батальоновъ противъ эриванскаго отряда, ввѣривъ ихъ Измаилу-пашѣ, но Тергукасову удалось благополучно избавиться отъ своего критическаго положенія и уйти отъ наступавшаго со всѣхъ сторонъ непріятеля. Къ 25-му іюня онъ былъ уже въ русскихъ предѣлахъ, а черезъ два дня подступилъ къ Баязету, разсѣялъ окружавшія цитадель турецкія войска и соединившись съ русскимъ гарнизономъ отошелъ на свою правую позицію у Игдыря.

Все это время Измаилъ-паша простоялъ въ бездѣйствіи у Діадина и лишь по освобожденіи нами Баязетскаго гарнизона соединился съ разбитыми войсками Фаика и опять занялъ Баязетъ, выдвинувъ авангардъ къ Гюльтепе. Между тѣмъ Мухтаръ-паша послалъ Измаилу предписаніе вторгнуться въ Эриванскую губернію, самъ двинулся къ Александрополю и занялъ позиціи на Аладжинскихъ высотахъ, отъ деревни Визинкевъ до горы Инахъ-тепеси. Армія его въ это время состояла изъ 53-хъ батальоновъ, 42-хъ эскадроновъ и 56 орудій.

Князь Николай Черногорскій.

3-го іюля русскія главныя силы отступили къ Курюкъ-дара и Паргету, выставивъ авангардъ у Башкадыклара. Вслѣдъ за тѣмъ на этомъ районѣ наступило продолжительное бездѣйствіе, вызванное ожиданіемъ подкрѣпленій съ обѣихъ сторонъ.

Наконецъ генераль-лейтенантъ Тергукасовъ, войска котораго были до сихъ поръ разбросаны на протяженіи 70 верстъ, для отраженія отрядовъ Фаика и Измаила, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ съ турками рѣшилъ сосредоточить свои главныя силы у Игдыря. Вскорѣ за тѣмъ прибылъ къ нему въ подкрѣпленіе посланный отъ главныхъ силъ Лорисъ-Меликова отрядъ Цитовича, а къ войскамъ главнокомандующаго, взявши того, были стянуты отряды изъ Ардагана.

Къ началу августа изъ Россіи на театръ войны стали подходить первые эшелоны 40-ой пѣхотной дивизіи, и Тергукасову отправлено было еще 5 батальоновъ, а затѣмъ новый отрядъ съ генераломъ Девелемъ во главѣ. Но этотъ послѣдній съ полдороги долженъ былъ вернуться, отозванный приказомъ главнокомандующаго. Дѣло заключалось въ томъ, что положеніе нашихъ главныхъ силъ измѣнилось къ худшему и можно было ожидать серьезной опасности: — 13-го августа, ночью, была атакована и взята турками гора Кизыль-тапо, составлявшая передовой пунктъ русской позиціи, и выбить оттуда непріятели, несмотря на всѣ усилія, не удалось. Но за этимъ отдѣльнымъ успѣхомъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны турокъ не послѣдовало; — Мухтаръ продолжалъ оставаться въ

бездѣйствіи, ограничившись передвиженіемъ впередъ своего центра и праваго крыла и сосредоточивъ главныя силы между деревней Каджи-волю и горою Инакъ. Измаилъ-паша также не предпринималъ ничего рѣшительнаго, если не считать нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ съ Тергукасовымъ.

Наконецъ къ 20-му сентября на азіатскій театръ войны прибыли всѣ ожидавшіеся изъ Россіи подкрѣпленія, и Лорисъ-Меликовъ получилъ возможность начать рѣшительныя дѣйствія, имѣя подъ рукою 60 батальоновъ, 96 эскадроновъ и 240 орудій. Сначала рѣшено было атаковать укрѣпленныя позиціи Мухтара и выбить его оттуда;—и вотъ 20, 21 и 22 сентября произведенъ былъ цѣлый рядъ блестящихъ атакъ на Аладжарскія высоты. Въ ночь на 27 непріятель отступилъ и занялъ положеніе, какое имѣлъ до 13 августа. Наши войска немедленно заняли оставленныя турками позиціи, а чтобы помѣшати отступленію Мухтара на Карсъ, былъ составленъ новый планъ атаки. Обходная колонна подъ начальствомъ генерала Лазарева направлялась черезъ Дегуръ пересѣчь туркамъ дорогу, въ то же время остальныя войска готовились къ нападенію съ фронта; 2-го октября Лазаревъ занялъ высоты въ тылу непріятеля, а на слѣдующій день произошло сраженіе, окончательно разсѣявшее армію Мухтара;—только жалкіе остатки ея успѣли бѣжать и укрыться въ Карсѣ. Но самъ Мухтаръ съ нѣсколькими батальонами на другой же день вышелъ изъ крѣпости и направился къ Зе-

вину, гарнизонъ котораго энергично приготовился къ оборонѣ.

Вскорѣ затѣмъ главныя наши силы были раздѣлены на два отряда, ввѣренныя начальству Лазарева и Геймана. Первый назначался для блокады Карса, второй для охраны страны между Карсомъ и Саганлугомъ. Генералу Тергукасову, подкрѣпленному частью геймановскаго отряда, поручалось неотступно преслѣдовать Измаила-пашу и во что бы то ни стало воспрепятствовать ему соединиться съ Мухтаромъ. Но Измаиль отступалъ съ такою поспѣшностью; что далеко оставилъ за собой нашъ эриванскій отрядъ и 15-го октября встрѣтился съ войсками Мухтара у Кеприкоя, для совмѣстнаго отступленія къ Эрзеруму. Въ тотъ же день Гейманъ занялъ Оросанъ, а 21-го октября, у Гасанъ-сала соединился съ Тергукасовымъ. 23-го октября, у Девебойну, Мухтаръ былъ ими атакованъ и разбитъ на голову. Войска турецкія въ безпорядкѣ бѣжали въ Эрзерумъ и жители его, ожидая немедленнаго появленія русскихъ, готовились встрѣтить ихъ съ покорностью. Но Гейманъ не рѣшился преслѣдовать непріятеля ночью и, притомъ, по незнакомой мѣстности и только 24-го числа съ разсвѣтомъ подошелъ къ Эрзеруму. Тѣмъ временемъ турки, успѣвшіе уже опомниться послѣ пораженія и приведенные въ нѣкоторый порядокъ, приготовились къ отпору и, на предложеніе Геймана сдаться, отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. 27-го октября, послѣ вторичнаго предложенія сдачи, русскія войска попытались взять крѣпость штур-

момъ, но были отбиты. Эта неудача поставила наши войска въ очень неблагопріятное положеніе, имъ приходилось теперь или оставаться на зѣму подѣ крѣпостью въ крайне плохихъ условіяхъ, или же отступить и потерять этимъ пріобрѣтенныя уже выгоды. Рѣшили остановиться на первомъ. — Одинъ только эриванскій отрядъ отступилъ къ Алашкерту, всѣ остальные расположились на открытой Пассанской равнинѣ, кромѣ одной пѣхотной бригады съ 3-мя батареями, оставленными на Деве-бойну.

Тѣмъ временемъ генералъ Лазаревъ, направленный къ Карсу, дѣйствовалъ очень успѣшно: 13-го октября отрядъ его приступилъ къ осаднымъ работамъ, а 6-го ноябрю крѣпость была взята геройскимъ, рѣдкимъ въ военныхъ лѣтописяхъ, штурмомъ. *) Послѣ этого важнаго событія главное вниманіе наше обратилось на Эрзерумъ, гдѣ укрывались значительныя непріятельскія силы и находились средства для формированія новыхъ войскъ. Но эту крѣпость взять было не такъ-то легко, тѣмъ болѣе, что тутъ союзниками турокъ явились наступившіе страшные холода и затруднительность доставки припасовъ черезъ горы. Войска наши вынуждены были терпѣть всевозможныя лишенія; болѣзни и смертность въ нихъ достигли ужасающихъ размѣровъ... Наконецъ только 21-го января 1878 года было заключено перемиріе, и Эрзерумъ 11-го февраля былъ переданъ русскимъ.

Здѣсь геройски палъ Гр. Граббе.

Во время военныхъ операцій подъ Карсомъ и у Аладжи ардаганскій отрядъ долженъ былъ охранять спокойствіе въ окрестностяхъ Ардагана. Послѣ паденія Карса отрядъ былъ значительно усиленъ и начальникъ его, полковникъ Комаровъ, получилъ приказаніе двинуться къ Арданучу и Артвину съ тѣмъ, чтобы утвердить русское владычество въ долину рѣки Чорохъ и облегчить готовившуюся операцію противъ Батума. 2-го декабря отрядъ занялъ Арданучъ, а 9-го разбилъ стоявшія на позиціи у Долисъ-Хана турецкія войска. Вѣсть о перемиріи застала его у Артвина.

Кобулетскій отрядъ, уменьшенный въ составѣ, получилъ около половины іюня приказъ держаться строго-оборонительнаго положенія и укрѣпился на Муха-Эстате. Стоявшія противъ него непріятельскія войска заняли высоты Хуцубани и безуспѣшно пытались 1-го и 12-го августа выбить его изъ занятой позиціи. 15-го ноября Дервишъ-паша отошелъ за рѣку Кинтриши и остановился на высотахъ Цихидзири. 18-го ноября кобулетскій отрядъ атаковалъ его, но былъ отбитъ, а 22-го получилось извѣстіе о заключеніи перемирія.

На восточномъ берегу Чернаго моря турки, благодаря своему флоту, распоряжались почти безпрепятственно, такъ какъ съ нашей стороны прибрежныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ тогда не существовало, если не считать нѣсколькихъ незначительныхъ отрядовъ, для противоудѣйствія турецкимъ десантамъ и для поддержанія порядка въ странѣ, въ Туапсе, Сухумѣ, Потіи и на посту

Св. Николая. 30-го апрѣля у селенія Гудаута, въ Абхазіи, высадилось около тысячи горцевъ изъ числа эмигрировавшихъ въ 60-мъ году, которые и начали съ успѣхомъ побуждать мѣстное населеніе къ возстанію, между тѣмъ какъ турецкіе агенты щедро надѣлили всѣхъ оружіемъ. 1-го мая турецкая эскадра изъ шести судовъ остановилась передъ Сухумомъ, и начальникъ тамошняго гарнизона, полковникъ Кравченко, считая болѣе невозможнымъ держаться въ городѣ, отступилъ со своимъ отрядомъ къ селу Ольчинскому. Послѣ двухдневнаго бомбардированія городъ былъ занятъ новыми толпами горцевъ, высадившимися передъ нимъ около деревни Очемчиры, вслѣдствіе чего Кравченко долженъ былъ отойти еще далѣе, за рѣку Кодоръ.

Такимъ образомъ во власти возмущившагося населенія, поддерживаемаго горцами и турецкими правительственными войсками очутилось все побережье отъ мыса Адлеръ до Кодора.

Для возстановленія порядка и усмиренія мятежниковъ къ Кодору былъ посланъ отрядъ генерала Алхазова, который соединившись съ Кравченко, далъ горцамъ сраженіе 15-го іюня у села Очемчиры, но благодаря вмѣшательству турецкаго флота потерпѣлъ неудачу. Тогда изъ Кубанской области къ Сухуму направлены были отряды полковника Шелковникова и генералъ-майора Бабища. Туда же двинулся и Алхазовъ, разсѣвая по пути толпы мятежниковъ. Всѣ эти отряды почти одновременно подошли 16-го августа къ городу, а черезъ три дня турки безъ сопротивленія оставили

его и непріятельскій флотъ отошелъ отъ береговъ; такимъ образомъ волненіе въ Абхазіи было прекращено, но слѣдствіемъ его явились возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ, вскорѣ однако также потушенныя проходившими тогда по Кавказу двумя пѣхотными дивизіями.

На морѣ господство въ теченіе всей войны оставалось, конечно, на сторонѣ турокъ въ виду того, что при ничтожномъ количествѣ нашихъ военныхъ судовъ открытая борьба съ сильнымъ турецкимъ флотомъ была немыслима. Тѣмъ болѣе удивленія заслуживаютъ геройскія схватки нашихъ отдѣльных миноносныхъ катеровъ съ непріятельскими судами въ Сухумскомъ и Батумскомъ рейдахъ *), (12 авг., 16 дек. и 13 янв.) схватки, закончившіяся полнымъ уничтоженіемъ или сильными поврежденіями каждаго изъ атакованныхъ судовъ.

Послѣ полученія извѣстія о заключеніи въ Адріанополѣ предварительнаго перемирія военныя дѣйствія на азіатскомъ театрѣ войны были пріостановлены и уже не возобновлялись, несмотря на всѣ недоразумѣнія, о которыхъ мы уже упоминали.

Предварительныя условія мира, подписанныя въ Адріанополѣ 19-го января 1878 года вызвали страшную тревогу въ Англіи и Австріи, въ особенности боявшейся образованія изъ Болгаріи большого государства, находящагося подъ нашимъ покровительствомъ. Дипломаты этихъ державъ настаивали

*) Въ особенности славенъ былъ подвигъ лейтенанта Рождественскаго, подобный подвигамъ Дубасова и Шестакова.

на пересмотръ договора этого державами, подписавшими Парижскій трактатъ, а сами державы стали открыто готовиться къ войнѣ. Въ отвѣтъ на это русскіе заняли Санъ-Стефано въ 10 верстахъ отъ Константинополя и объявили турецкому правительству, что займутъ столицу, если втеченіе трехъ дней договоръ не будетъ подписанъ.

Турція сдалась и 19-го февраля былъ подписанъ Санъ-Стефанскій мирный договоръ, но увы—отсюда до мира было далеко, — одержимыя завистью Англія, Австрія и Германія сдѣлали все, чтобы отнять у насъ плоды нашихъ побѣдъ, нашихъ колоссальныхъ жертвъ, принесенныхъ на алтарь любви къ ближнему.

Сократимъ до возможности эту грустную страницу.—Въ сущности своей Санъ-Стефанскій договоръ оставлялъ за Турціей въ Европѣ, кромѣ Константинополя, только часть Θракіи и совершенно отдѣльныя отъ нея Албанію и Боснію съ Герцеговиной, руководствуясь при этомъ этнографическимъ составомъ населенія Балканскаго полуострова, но эти условія на этотъ разъ возбудили недовольство не только Англіи и Австріи, но и Сербіи, Румыніи и Австріи. Австрійское правительство потребовало созыва европейскаго конгресса для обсужденія Санъ-Стефанскаго договора; англійское—поддержало это требованіе, и въ то же время оба государства начали вновь готовиться къ войнѣ. Такое поведеніе ихъ вызвало отвѣтныя дѣйствія и съ русской стороны для предотвращенія угрожавшей опасности: сформированы были новыя сухопутныя

и морскія части, Балтійское побережье приготовлено къ оборонѣ, формировалась обсерваціонная армія у Кіева и Луцка. Въ Румынію, ставшую въ явно враждебное къ намъ положеніе, переведенъ былъ второй корпусъ, который занялъ Бухарестъ, послѣ чего румынскія войска отступили въ Малую Валахію.

На Турцію эти политическія осложненія подѣйствовали очень ободрительно, и правительство турецкое стало готовиться къ продолженію войны. Укрѣпленія у Константинополя усиливались; всѣ имѣвшіяся въ наличности войска стягивались туда. Въ то же время турецкіе и англійскіе эмиссары дѣятельно подготавливали возстаніе въ Родопскихъ горахъ для отвлеченія туда части русскихъ войскъ.

Въ концѣ апрѣля берлинскій кабинетъ, съ цѣлью уладить возникшее столкновеніе политическихъ интересовъ, предложилъ свое посредничество враждующимъ державамъ. Искренно желая избѣгнуть новой войны, Императоръ Александръ II согласился на предложеніе Германіи, и 1-го іюня открылся въ Берлинѣ засѣданія конгресса подѣ председательствомъ князя Бисмарка. 1-го іюля былъ подписанъ Берлинскій трактатъ, радикально измѣнившій Санъ-Стефанскій договоръ, главнымъ образомъ въ пользу Австро-Венгріи. Послѣ окончанія конгресса турки очистили Варну и Шумлу, а въ началѣ августа русскія войска стали переправляться въ отечество на судахъ изъ Санъ-Стефано, Эриклин, Родоста и Бургаса. Вслѣдъ за тѣмъ были выведены войсковыя части изъ Румыніи, и

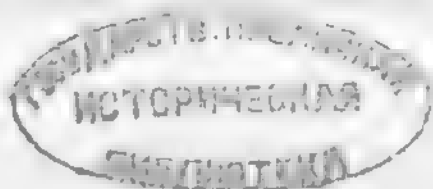
на Балканскомъ полуостровѣ оставалось въ распоряженіи императорскаго комиссара лишь 185 батальоновъ, 130 эскадроновъ и сотенъ и 86 батарей для оккупациіи Болгаріи и Восточной Румелии. Войска эти вернулись въ Россію лишь лѣтомъ 1879 года.

—
Война окончилась и теперь, черезъ 25 лѣтъ, чувствуя память героевъ, за вѣру и братьевъ животъ свой положившихъ по завѣту Христа, мы можемъ съ гордостью сказать, что для освобожденія славянъ изъ подъ ига турецкаго родина наша и возлюбленный, въ Бозѣ почившій Монархъ ея, сдѣлали все, что могли, и не ихъ вина, если все-таки подъ этимъ игомъ остались христіане, если часть славянъ до сихъ поръ не пользуются національной независимостью.

Очевидно Божья Воля не сказала еще, очевидно не настало еще время для того, чтобы Россія сказала свое окончательное, рѣшительное слово, но время это настанетъ, въ томъ нѣтъ сомнѣній. Великое святое дѣло не можетъ не быть завершено, ибо какъ и четверть вѣка назадъ русскій народъ и его Царь, Помазанникъ Божій, преисполнены той-же любовью къ ближнимъ, тѣми-же высокими чувствами къ нашимъ далекимъ и обездоленнымъ братьямъ.

Всемогущій милостивъ и мы рано или поздно увидимъ въ полномъ блескѣ загорѣвшуюся христіанскую зарю на Востокѣ, увидимъ нашихъ братьевъ свободными.

„Спаси, Господи, люди Твоя“.

Нынѣ благополучно Царствующій Императоръ Николай II.

